Любовь к красному

Автор:
Ольга Гусейнова

Любовь к красному

Ольга Вадимовна Гусейнова

Любовь и Магия

Даже в техногенном мире не обойтись без магии, особенно если ее источник – загадочный Голодный туман. Эвелина – маг-зеркальщик, и она умеет многое: изгнать навязчивого призрака и убедить в своей правоте местную власть, обезвредить могущественный артефакт и раскрыть страшное преступление. Ей неподвластно только волшебство любви. Сбежав за океан от жениха-тирана, Эвелина сталкивается с настоящим маньяком. Но и смертельной ловушки можно избежать, если рядом – влюбленный мужчина, сильный, верный и заботливый, избравший своей профессией спасение мира. Нужно только позволить себе стать счастливой!

Ольга Гусейнова

Любовь к красному

© Гусейнова О. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

– Госпожа Кыш, мы бесконечно благодарны вам за любезное согласие помочь, тем более в таком щекотливом деле. Я уже двадцать лет служу здесь директором и, поверьте, впервые столкнулся с настолько гнусными обвинениями. Это, можно сказать, черное мерзкое пятно на репутации нашего старейшего, известнейшего музея. Подобное недопустимо в мире искусства.

– Уверена, это недопустимо в любой сфере или ситуации, – посочувствовала я весьма расстроенному толстячку, семенящему рядом, рассыпаясь в благодарностях. Когда же он перейдет к сути дела?

Смеркалось. Меня просили прийти после закрытия музея для посетителей, и поэтому, как я ни старалась идти тихо, стук каблучков гулко разносился по длинному коридору. Осторожно ступая по старинному, натужно поскрипывающему паркету, я с интересом крутила головой по сторонам, проходя через анфиладу помещений, хотя в юности посещала бывший царский дворец не раз. Хорошо сохранившиеся резные деревянные панели по-прежнему радовали глаз. Сложной отделки расписные потолки с лепниной; венчающие пилястры и колонны капители; причудливые светильники в виде сказочных созданий; камины, в которых когда-то пылал огонь. Высокие эркерные окна в стиле южного Эядара пропускали еще достаточно света, поэтому искусственное освещение пока не включили.

Антон Сергеевич Мышкин – директор сего учреждения и обладатель тучной фигуры, затянутой в пижонистый темно-синий костюм в мелкую полоску, – от быстрой ходьбы немного запыхался, будучи явно не приспособленным к подобным физическим и нервным нагрузкам. Его широкий лоб поблескивал от пота, который он украдкой вытирал пухлой рукой.

– Господин Мышкин, скажите, что конкретно от меня требуется. По телефону господин Завадия не смог пояснить.

Мужчина в очередной раз, видимо, от волнения, облизал потрескавшиеся губы и, положив ладонь на внушительный живот, едва не шепотом ответил:

– Нам осталось пройти три зала – и там вы в подробностях узнаете обо всем.

Странное поведение директора музея интриговало и даже начало раздражать.

Сюда меня попросил приехать очень уважаемый человек, старинный друг родителей Шорта Михайлович Завадия – личность высокопоставленная, имеющая связи во многих властных структурах. В свое время он очень помог мне, и, конечно же, я сразу откликнулась на его просьбу о помощи в деликатном деле.

Очередная комната – женский кабинет: красивые удобные стулья, отделанные голубой в цветочек тканью, узкие изящные диванчики, секретер мореного дуба с множеством шкафчиков, столик-бюро с недописанным письмом, будто совсем недавно оставленным автором.

Проходя мимо высокого зеркала в тяжелой бронзовой оправе, я вздрогнула – гладь резко потемнела, и на поверхности всплыло злобное лицо. Правда, в следующую секунду сменилось нейтральной физиономией. Видимо, кто-то из посетителей недавно баловался или кривлялся, а может, испытывал злость или сильное раздражение, вот зеркало еще и не успело «забыть». Я осторожно и облегченно вздохнула: нюансы моего дара.

Следующая комната в былые времена служила для совещаний царице, давно почившей. На круглом столе до сих пор лежала старинная большая карта государства, с тоже давно изменившимися границами, рядом с ним огромный глобус на тяжелой деревянной подставке. Мне кажется, нужно приложить немало усилий, чтобы раскрутить его.

Я невольно вспомнила, как лет пятнадцать назад учительница, встав у этого самого глобуса, рассказывала историю нашего мира Земляр – планеты с двумя материками, Северным и Южным. Ближе к экватору протянулась длинная цепь островов – большие в свое время стали территориями отдельных государств, присоединив острова поменьше и совсем крохотные, те, которые нанесены на карту мира точками и черточками. В некоторых островных странах до сих пор сохраняется монархия.

Северный – материк с более холодным климатом. Здесь образовались три крупных государства: Хлон, словно вмерзший в вечный лед и лишь на два месяца в году покрывающийся зеленой травой; Дарем, раскинувшийся на востоке; и моя любимая Рошана, самая большая страна на Земляре. Помимо

«большой тройки», существуют и несколько мелких государств, но с ними, как правило, редко кто считается в спорах и интригах мирового масштаба.

На Южном материке, площадью и протяженностью уступающем Северному, расположились основные политические и экономические соперники Рошаны: Севаш, Тожер и Натангеш – подобно Рошане, сильные, воинственные страны, вокруг которых приютились более мелкие соседние.

Быть может, Рошана и южные соседи давно бы померились силой, но мир на Земляре помогает сохранять Великий океан. Даже на глобусе он кажется необозримым, окутанным Голодным туманом. По сути, о своих соседях жители материков и островов узнали спустя тысячи лет развития цивилизации, когда смогли подняться в небеса и преодолеть по воздуху Великий океан. А до этого момента все попытки отчаянных мореплавателей, рискнувших слишком отдалиться от шельфа, заканчивались печально. Они пропадали в сером непроглядном тумане, именно поэтому названном Голодным.

Туман способствовал формированию различных культур на Земляре, каждой со своими особенностями и тем не менее удивительно схожих во многих аспектах. И главное – туман одаривает избранных магией, загадочным образом ее «генерируя», что выяснили пару сотен лет назад ученые разных стран. Они обратили внимание, помимо всего прочего, на закономерность: маги чаще рождаются у берегов Великого океана, и чем дальше от побережья в глубь материков, тем реже.

Людей, отмеченных туманом, или туманников, как попросту начали называть нас, рождалось отнюдь не много. И если в стародавние времена нас считали опасными и потому нежелательными и даже уничтожали, то в новой истории ситуация в корне изменилась: теперь мы служим странам и народам. В меру своих сил или способностей, а многие – как хотят. Ведь наш техногенный мир не стоит на месте, быстро идет вперед, побеждая архаизмы и предрассудки.

Через минуту мы с Мышкиным добрались до цели – парадного зала, хорошо освещенного благодаря большому количеству зеркал различных форм и размеров, развешанных по стенам, многократно отражающих свет и зрительно расширяющих пространство.

Выставка явно новая и, вполне возможно, только готовится к открытию – экспонаты сияют, как говорится, ни пылинки, ни соринки. Среди этого великолепия собралось несколько человек из тех, что, не сложно догадаться, вместе собираются по серьезному, даже чрезвычайно серьезному поводу.

У окна Шорта Михайлович Завадия поглощен разговором с крупным брюнетом в черной форме Службы внешней безопасности Рошаны, или сокращенно СВБР. В центре этого увешанного зеркалами помещения мужчина и женщина – тоже законники, правда, из Внутреннего контроля (ВК), – слушают невнятно лепечущего, растерянного невысокого старичка, одновременно делая записи в блокнотах. В старике я узнала смотрителя музея Лежнева, встречавшего и сопровождавшего группы школьников, приходивших на экскурсии.

Шорта Михайлович, заметив меня, сделал знак собеседнику и поспешил навстречу:

– Эва, я рад, что ты смогла быстро приехать.

– Добрый вечер, – мягко улыбнулась, протянув руку, сразу же сграбастанную Завадией в большие теплые ладони, – я тоже рада видеть вас.

К нам подтянулись остальные присутствующие, ожидавшие меня.

– Господа, – Завадия отчего-то не потрудился добавить «дамы» для второй женщины, – позвольте представить вам Эвелину Андреевну Кыш – сильного туманника с редкой двойной специализацией сутевика и зеркальщика.

Я вежливо улыбнулась, кивнув. Далее меня познакомили с сотрудниками ВК, ведущими дело, суть которого мне вот-вот предстоит узнать. Затем пожала нервно дрожащую сухую старческую руку Лежнева. Последним Завадия с особым почтением представил мне заместителя начальника отдела контроля за оборотом предметами искусства и наследия СВБР, полковника Мельника. Видно, дело действительно серьезное, раз сюда прибыл целый полковник. Молодой, несмотря на должность, и симпатичный мужчина с орлиным носом и пронзительными, цепкими холодными глазами изумрудного цвета.

В первый момент я замерла, невоспитанно уставившись на Мельника, под немигающим взглядом которого любой бы почувствовал себя неуютно. А

красный, будто нарисованный тоненькой кисточкой вьюнок у него на висках предупредил, что передо мной один из шелонов, в народе называемых берсерками.

Характерный рисунок на висках у этих туманников проявлялся еще в детстве, когда пробуждался дар шелона, причем исключительно у мальчиков. Цвет рисунка определял категорию шелона, насколько тот силен и одержим.

Самый слабый – серебристый – говорит о силе и вспыльчивости своего носителя. Красный цвет – мужчина очень силен, эмоционально нестабилен и обладает повышенной регенерацией. Самый опасный – черный – награждает хозяина мощью, выносливостью, невероятной регенерацией, но взамен «требует» строгого контроля над эмоциями, потеряв который, туманник впадает в боевое неистовство, уничтожая все на своем пути. Таким образом, чем темнее цвет, тем более глубокий боевой транс, объем разрушений и количество жертв.

Каждый шелон с рождения учился контролировать себя и свои чувства, раскрываясь только в ближнем кругу людей и родных. Но именно из берсерков выходили лучшие военные стратеги, славящиеся коварством и безжалостностью, преданные защитники или неподкупные блюстители закона. Самые справедливые, не знающие жалости к врагам и преданные своей стране и близким. Одним словом – одержимые!

Шелонов в разы больше, чем таких, как я, зеркальщиков, но и те не часто встречаются в обычной жизни. Признаться, встреч с ними предпочитают избегать: кому охота попасть под пристальный, да и не очень, взгляд берсерка?!

Мельник протянул руку и пожал мою ладонь совсем легонько, тщательно дозируя силу.

– Приятно познакомиться. – Снова едва заметно, нейтрально улыбнувшись всем, я перешла к цели встречи: – Чем могу помочь?

Начал Завадия:

– Два дня назад в музей доставили коллекцию зеркал Эядара. Всего двадцать три штуки.

Директор музея поморщился, должно быть, услышав «штуки».

– Самое «новое» датировано третьим веком от Объединения народов. Планируется не только выставка, но и научно-практические конференции по теме… э-э-э… сравнительного анализа культур… способов изготовления, оформления и…

Неожиданно истерично завопил Антон Сергеевич:

– Да что тут говорить-то, просто представьте: сразу три экспоната – магические! В общем, к этому событию будет самое пристальное и повышенное внимание прессы, правительств двух стран, а тут – такое…

– Я не совсем понимаю: зачем вам зеркальщик? Скорее, вам нужен…

Мое осторожное заявление оборвал на полуслове Мельник:

– К нам поступила информация от третьих, незаинтересованных, но осведомленных лиц, что во время транспортировки – либо, вариант еще хуже, именно в музее – произошла подмена части коллекции! Не фальшивками, но экспонатами с более поздней датой изготовления и соответственно менее ценными.

– В качестве перепродажи? Наживы? – нахмурилась я, выслушав его спокойный, холодный аргумент. – Но это глупо, когда замешаны правительственные интересы, спецслужбы, невозможно сбыть…

– Есть мнение – чтобы разжечь конфликт между Эядаром и Рошаной, – остановил меня полковник. – Уж слишком в последнее время мы с островитянами задружили.

– А… как… кража и подмена зеркал может осложнить ситуацию между странами? – удивилась я.

– Стоимость коллекции. Эядар впервые разрешил вывезти три магических зеркала за пределы страны, – сжимая дрожащие руки в кулаки, выдохнул пожилой смотритель Лежнев.

– Самая большая ценность выставки – Триада Истины! – пафосно заявил Мышкин. – Те самые магические зеркала уникальны. Министерство культуры пять лет вело переговоры, чтобы выставить их у нас! – Он опять сорвался на истеричный тон, чем заработал раздраженный взгляд Мельника.

– Положим, Триада хранится в запасниках, внизу и под усиленной охраной, – с иронией заметил Завадия.

Но директор не унимался:

– На открытии экспозиции будет сам президент!

– Господа, зачем вам зеркальщик или сутевик, если можно провести официальную экспертизу и выявить махинации с подменой? – Ситуация начала меня раздражать.

– Сейчас мы не имеем права привлекать внимание СМИ к экспертизе, которая, к слову сказать, уже проводилась по требованию нашей же стороны и перед самой отправкой зеркал в Рошану. Это не вариант!

Шорта Михайлович, бросив на шелона внимательный, спрашивающий разрешения взгляд, отвел меня подальше от спецов из ВК и директора музея, затем, придерживая меня под локоть, тихо пояснил:

– Эва, мы в щекотливой ситуации. Рошана договорилась с Эядаром о размещении на его территории военной базы для наших воздушных судов. Предупреждаю: это секретная информация! Выставка – своеобразная демонстрация доверия, а тут – такой конфуз. И пусть самые ценные экземпляры под охраной, но сам факт того, что мы облажались, не уследили, может создать у наших союзников превратное мнение о нас как о ненадежных партнерах. Не заслуживающих доверия и не сохранивших чужое имущество!

– Я поняла, Шорта Михайлович, – извиняясь улыбкой, тихо ответила я. – Введите в курс: что необходимо сделать?

– Ты проверишь каждое. Если обнаружим подмену, тогда уже наверху будут решать, как выходить из положения.

– Хорошо, – кивнула я. – Мне нужен список экспонатов с датами и отличительными особенностями, на что можно будет опираться в работе.

– Давайте документацию! – приказал Завадия директору музея, и тот, вытащив из-за портфеля кипу бумаг, засеменил к нам.

Я потратила час на изучение документов сопровождения, выясняя даты, места создания зеркал, список бывших владельцев и легенды, связанные с ценностями. И пока знакомилась с информацией в соседнем кабинете, законники по-прежнему ждали меня в зеркальном зале.

Проверку я решила начать с самого простого объекта. Глубоко вдохнула, выдохнула, отрешаясь от всего, положила ладонь на гладкую отражающую поверхность и отпустила частичку своего дара на свободу, подобно энергетическому импульсу, который дальше волнами расходится, проникая в объект, заставляя вибрировать саму его суть, причем любой объект, определяя возраст, «натуральность», истинность и выявляя подделку.

Таков дар магов-сутевиков – устанавливать подлинность любой вещи, истинный возраст и назначение. Изредка к этой магической способности добавлялась побочная, к примеру, как у меня, – считывать вибрации отражающих поверхностей. Таких туманников называют зеркальщиками. Специально или нет, мы могли запустить обратную реакцию, и тогда любая отражающая поверхность начинала показывать нам все, что «увидела», что когда-либо отразилось в ней, но лишь исполненное чувств, эмоций, страданий, боли… И все в обратной последовательности: от недавнего к далекому прошлому. Преступления, чужая страсть, несчастные случаи – все подобное приносит невыносимые страдания живым, вызывая наиболее сильные вибрации, а значит, легко и ярко запечатлевается, особенно зеркалами.

Я мысленно послала импульс первому зеркалу, просмотрела полученные сведения и, открыв глаза, успокоила напряженно ожидающих результата мужчин и даму:

– Это соответствует заявленным данным. Подлинное.

Они невольно выдохнули с облегчением, а я передвинулась дальше. И, таким образом «прощупывая» суть, неспешно прошла вдоль стен с зеркалами, кивком

подтверждая подлинность каждого.

Предпоследнее, довольно большое овальное зеркало отразило среднего роста стройную фигуристую девушку лет двадцати пяти, с молочной кожей и бледными веснушками на прямом носике. У меня, как у шелона Мельника, глаза ярко-изумрудного цвета, который писатели-романтики сравнивают с весенней травой, только, в отличие от него, опушенные темно-красными ресницами.

Благодаря слишком яркой внешности я почти не пользовалась декоративной косметикой. Зачем? Густые, гладкие, багряного цвета волосы длиной до талии я забирала в высокий хвост на макушке, чтобы работать не мешали. А одевалась в классические офисные костюмы, предпочитая приталенные жакеты с отложными воротниками в компании с юбками либо брюками.

Не знаю, почему я замешкалась возле именно этого зеркала, наверное, залюбовавшись бронзовой ажурной рамой в виде прихотливо переплетенных веточек с листиками. Описание вроде бы соответствует исследуемому объекту, но от него исходит странный фон. Он сам вибрирует, без моих усилий. Магическое зеркало?

Я сверилась с документами: шестой век от Объединения. Не столь уж старое по большому счету, но возраст солидный. Если Триада в подвальном хранилище, то это зеркало, по-видимому, стало свидетелем слишком многих трагических событий, раз настолько «переполнено», что вибрирует.

– Ну что, бедняжка, давай и тебя проверим, – шепнула я ему, мягко, с сочувствием прикасаясь к гладкой поверхности и отпуская свой дар.

К подобному я была не готова: мой мозг чуть не взорвался от массы видений, боли, чужих страданий и вероломства!.. Одно за другим они словно зубами впивались в мою плоть, мучили, заставляя орать от боли, стискивать кулаки, впиваясь ногтями в собственную кожу до крови…

Очнулась я на полу, стоя на коленях и задыхаясь, а надо мной, тяжело дыша, склонились Шорта Михайлович и Мельник. Перевела взгляд на оказавшееся коварным зеркало и чуть не подавилась, судорожно хватанув воздуха. Черненая зеркальная поверхность исказилась, побежала рябью, и теперь на ней проступил хрупкий цветок с желтой махровой сердцевинкой-солнышком в обрамлении

чистейших белоснежных лепестков с капельками росы. Нежные зеленые листочки и стебелек, казалось, тянулись к свету и теплу…

Одинокий цветочек пытался устоять в поле на ветру, гнулся, но не ломался. Стремился к солнцу, надеясь лишь на чудо. Я невольно залюбовалась этой прелестной ромашкой – яркой и трогательно уязвимой, отчаянно нуждающейся в защите от опасностей окружающего мира!

– Какая необычная у вас суть, госпожа Кыш, – спокойно произнес Мельник, ослабляя стальную хватку на моем плече, затем мягко помассировал место, где позже непременно выступят синяки.

– Суть? Моя?

Находясь под впечатлением от свалившихся на меня и основательно потрясших видений, я не сразу поняла, о чем речь.

– Все святые, да как же так-то? – взвыл директор в отчаянии и чуть не плача. – Ведь Триада под охраной, там сигнализация – мышь не проскочит…

– Да, уважаемая. Третье зеркало Триады истины являет суть человека – без прикрас и внешней личины. А вы у нас, как выяснилось, – маленькая хрупкая ромашка, жаждущая тепла и света. Наивно, но лично мне понравилось.

Продолжая стоять на коленях, я глядела на тускнеющий, медленно тающий образ цветка в зеркале. Наконец, взяв себя в руки, с трудом поднялась на ноги. Отряхнула черную прямую юбку и, тщательно пряча эмоции, спокойно ответила:

– У каждого свои недостатки.

Удивительно, ледяная маска на лице шелона дрогнула, но улыбка быстро исчезла, когда он обратил внимание на мрачного Завадию.

– Выходит, заменили обычное зеркальце на волшебное, которое показывает всем окружающим суть человека… – Шорта Михайлович еще сильнее помрачнел и тихо добавил: – А открывать экспозицию должен президент… и первые лица Рошаны.

– Вероятно, нашелся бы умник, который предложил бы первому лицу государства сфотографироваться на фоне… может, и коснуться… а скорее всего, хватило бы просто подойти ближе и посмотреться…

– …а дальше, что бы ни показалось там – не отмоешься! – подхватила мысль следователь из ВК. Спустя несколько мгновений с иронией добавила: – Далеко не все безобидные ромашки по своей сути.

Мышкин, видимо не понявший всей глубины планировавшейся подставы, возмущенно завопил:

– Да о чем вы говорите? У нас ЧП! Из секретного, охраняемого помещения выкрали самый ценный объект. Это же кошмарно! Это же… недопустимо! Куда вообще смотрит охрана? Да я… да они… когда узнает пресса, то…

– А вы, батенька, рот на замке держите – никто и не узнает! – ледяным тоном «посоветовал» Мельник.

– Но это же преступление?! – пролепетал директор.

– С которым мы разберемся сами, без вашей помощи и непосредственного участия, – спокойно отрезал Мельник, посмотрев на обильно потеющего директора очень тяжелым взглядом не терпящего возражений туманника-берсерка.

– Да, конечно… – послушно проблеял мгновенно поникший Мышкин.

– Эвелина Андреевна, – теперь шелон пристально смотрел на меня, – думаю, вы и сами уже догадались, что обстоятельства произошедшего, а заодно и о нынешнем посещении музея вам лучше забыть.

– Александр Васильевич, – быстро вмешался Завадия, – о конфиденциальности не переживайте, я же вам говорил уже, Эва – умная и понятливая… туманник.

Привычно назвать меня «девочкой» старинный друг семьи, по счастью, вовремя передумал.

Улыбнувшись обоим мужчинам, спросила:

– Я могу быть свободна?

Мельник коротко кивнул, но неожиданно его глаза блеснули:

– А вы не хотели бы перейти работать к нам? Это гораздо более…

– Нет! – Стерев улыбку с лица, я холодно и твердо ответила на предложение, которое неоднократно слышала от других представителей государственных служб. – Предпочитаю работать с антикварами, искусствоведами и коллекционерами, нежели охотиться на бандитов, контрабандистов, воров и прочих неприятных личностей.

– Домашний цветочек! – едва слышно хмыкнула следователь у меня за спиной.

Я бросила прощальный взгляд на зеркало, жестко указавшее мою сущность, а потом картинно пожала плечами, безмятежно улыбнувшись:

– Вполне возможно.

Глава 2

На душе кошки скребут. Серые. Облезлые. Больные. Сорок дней, сорок мучительно-тоскливых дней, когда жизнь будто оборвалась. Жестоко и совершенно несправедливо. И я теперь круглая сирота.

– Эва, я понимаю, в такой ситуации слова кажутся пустыми и напрасными, но ты должна жить. – Завадия осторожно положил мне на плечи руку, и я сквозь плащ и тонкий свитерок ощущала, какая она теплая. – А не существовать, как весь месяц. Именно жить, полноценно жить. Они бы тоже этого хотели…

Я судорожно вздохнула, стиснув зубы, загоняя внутрь опять подступившие рыдания, и прижалась к его плечу – надежному, заботливому, согревающему.

– Последние четыре года только она да вы были моей опорой и защитой. И сейчас… мне страшно и одиноко. Боюсь, я отвыкла жить, как нормальные люди.

Вытерла мокрые щеки и глубоко вдохнула чистый кладбищенский воздух, щедро напоенный весенними запахами и птичьими трелями. Даже весна не радовала; тем более, посеревшее небо предвещало дождь. Сегодня вместе со мной проводить душу моей бабушки пришел Шорта Михайлович. Присев на узкую лавочку, мы тихонько беседовали, глядя на три ухоженные могилы и темный четвертый холмик, еще не поросший травой.

– Завтра установят красивый памятник Элге Артуровне: розовый мрамор с кварцевыми прожилками. Достойный памяти твоей бабушки.

Шмыгнув носом, я сипло прошептала:

– Нашла цветочный магазинчик с ее любимыми фиалками и настурциями. Пора украсить бабушкину могилу.

– Правильно, – кивнул Шорта Михайлович, прижимая меня к своему боку и щедро делясь сочувствием. – Завтра рабочие уложат плитку, подсыплют землю, и можно будет посадить цветы. Весна.

Затем он перевел взгляд на могилы моих родителей. В свое время Завадия учился вместе с папой и тайно, как ему казалось, был влюблен в мою маму. Долгое время этот импозантный крепкий мужчина, приехавший в столицу Рошаны Светлоград еще в юности, чтобы учиться, не мог найти замену солнечно красивой девушке с алыми волосами, как у меня. Не мог справиться со своими чувствами. Но после моего появления на свет на несколько лет пропал из поля зрения родителей, а потом вновь вернулся – влюбленным и женатым на жгучей приятной брюнетке.

И вот сейчас, заглянув ему в глаза, я поняла, что любовь к моей маме никуда не исчезала, уж слишком больным был его взгляд, потерянным. Хотя, признаться, я давно догадывалась, чувствовала.

Четыре года назад я блестяще окончила Академию искусств. Сам бог, как говорится, велел, с учетом моего дара и отношения к старинным уникальным предметам. Меня пригласили на работу в одну из солидных международных

компаний, которая ведет дела со многими известными коллекционерами, музеями и аукционными домами мира, страховщиками и банками. Словом, со всеми, кто нуждается в услугах искусствоведов, оценщиков, экспертов и прочих специалистах такого рода.

И вот, когда весь мир открывал передо мной двери, я случайно познакомилась с молодым красивым и очень богатым мужчиной – Олегом Луневым. Я спускалась по эскалатору торгового центра, а он, наоборот, поднимался, в сопровождении охраны. Мы встретились взглядами с худощавым, стройным, голубоглазым блондином с тонкими, аристократичными чертами лица, будто со старинной картины сошедшим. Даже мысленно примерила на него камзол, ведь мне так нравится антураж давно минувших дней.

Олег ухаживал за мной красиво и настойчиво почти два месяца, если бы не странный, подозрительный ледяной огонек в его голубых глазах, я бы оттаяла. Должно быть, сама судьба меня предостерегала: внутренне, подсознательно опасалась на первый взгляд достойного всяческих похвал мужчины. Как выражалась бабушка, душа не принимала. И я не торопилась переходить на более близкий, интимный уровень отношений с ним.

Кто знает, чем бы завершился наш роман, если бы не страшная трагедия – автомобильная авария, одним махом унесшая жизни мамы и папы. Я осталась без родителей, безмерно любивших меня, людей, которых боготворила, которые для меня всегда были примером: любовь, взаимное обожание, уважение и схожие интересы – вот что объединяло их. Их любовь горела даже спустя годы совместной жизни.

Я почти не помню похороны и несколько недель после, словно печальные, скорбные события выпали из жизни. Олег тогда взял хлопоты в свои руки: похороны, мой какой-то неожиданный переезд к нему, оплату лечения бабушки после тяжелого инфаркта. Это было время, вернее, безвременье, почти беспамятства и внутренней пустоты.

Спустя несколько дней после похорон Олег, наконец, стал моим первым и пока последним мужчиной, с которым я… переспала… вступила… А как еще назвать моменты грубого, безэмоционального соития? О которых и вспоминать не хочется. Мне было все равно, пока не узнала о нашей помолвке: совершенно неожиданно, через два месяца после похорон родителей, оказалось, что я обязана выйти замуж. И вот тогда я заставила себя выбраться из болота тоски и

боли, но именно в тот момент поняла, что мой «жених» – садист и одержимый. А я – его жертва.

Наивная жертва, потому что простила Олега, когда он поднял на меня руку в первый раз. А потом на коленях умолял о прощении и клялся в вечной любви. Но когда попытался закрыть меня в золотой клетке, я твердо решила: хватит. Выжить помогла домработница, которая пришла как-то утром. Неделя комы – а дальше длительное восстановление. Мне повезло с хорошей регенерацией: у туманников чем сильнее дар, тем быстрее заживают повреждения. Только на спине осталось несколько бледных следов там, где кожу проткнули сломанные ребра.

Бабушка, моя обожаемая бабуля, и так пережившая своих детей, боясь потерять еще и меня, «последнее родное существо на этом свете», била во все колокола, стучала во все двери: обратилась в газеты и на телевидение, во Внутренний контроль и – главное – вытащила Завадию из глубокого запоя. Он тоже не мог справиться с горем после смерти любимой женщины. Это я сейчас понимаю.

Завадия, считая себя виноватым, – по его словам, «бросил бедную девочку в сложный момент, упиваясь собственной болью», – использовал свое влияние и связи, и Лунева едва не упекли. Сложно сказать, каким образом и в какую сумму ему обошлось получить всего лишь ограничение свободы на пять лет с запретом приближаться ко мне. Но отвергнутый «жених» продолжает следить за мной на расстоянии, мало того, измывается, давит на психику. И ведь ничего не поделаешь. Самое плохое – как только угроза сесть в тюрьму прекратится, меня ожидает неизвестность.

О «присмотре» я узнала, когда третьему мужчине, всего-то подвозившему меня домой, переломали ноги. Первые два «несчастных случая» еще можно было бы назвать случайными. Потом была записка, в которой говорилось, что собственность (подразумевалась я) ведет себя неправильно. Никому нельзя улыбаться, нельзя кому-то уделять внимания больше, чем остальным, и лучше никому не позволять к себе прикасаться. «Неосторожные» карались увечьями.

И никому ничего не докажешь!

О запретах, угрозах и пострадавших знали Завадия, ставший мне защитой, и бабушка, окружившая заботой. Теперь она ушла в мир иной, как принято

говорить. Мы с Шортой Михайловичем остались вдвоем на лавочке, у четырех могил, где покоится вся моя семья: папа, мама, дед и бабушка по материнской линии. Папины родители – известные исследователи и путешественники, чета Кыш, гордую фамилию которых я ношу, – давно сгинули в тумане Великого океана.

– Может, выпьем? – предложил Завадия.

– Вы же знаете, мне нельзя, магию контролировать не смогу, – поморщилась я, вспомнив один из эпизодов попытки возлияния.

Чуть с ума не сошла, когда каждая отражающая поверхность, неожиданно попадавшаяся мне на глаза, подкидывала жуткие картинки или видения. Я тогда совершенно случайно раскрыла загадочное убийство, долго считавшееся бесперспективным.

– И правильно, – смущенно улыбнулся Шорта Михайлович, завинчивая крышку фляжки.

– Пора возвращаться, – тяжко вздохнув, предложила я.

Он кивнул, бросил последний взгляд на запечатленный в камне образ слишком яркой и красивой женщины, слишком молодой, чтобы покоиться здесь, сглотнул и направился к дорожке.

У автостоянки Завадия прервал молчание:

– Эва, не хочу, чтобы Елена потом обвинила меня… чтобы твоя мама там… переживала за тебя.

– Я не…

Он резко поднял руку и оборвал меня на полуслове:

– Срок Лунева заканчивается. За эти годы он набрал вес в обществе, знакомств и вряд ли забыл о тебе…

– Последние полгода от него не было ни одного послания. Может, я перестала быть для него уникальной? – с горькой иронией усмехнулась я.

Завадия смерил меня «фирменным» – всезнающим, мрачным – взглядом.

– Я бы на это не рассчитывал. В общем, я договорился кое с кем. Мы позволили ключевым фигурам из компании, где ты работаешь, узнать, что тебя хотят перекупить конкуренты.

– Они знают, что я надежный и преданный делу…

– Якобы тебе предложили хорошее повышение: должность, доход и расширение границ и возможностей, пронюхав, что ты молодой, но перспективный и одаренный специалист. Ты обещала подумать.

Я даже замерла, опешив от неожиданности, а затем испуганно выпалила:

– Ой, меня же уволят теперь!

– Ну уморила, девочка моя, – мягко усмехнулся Завадия, ласково потрепав меня по макушке. Он всегда относился ко мне как к дочери, особенно после смерти мамы и папы. В свою очередь, двое его сыновей мне как братья. – Кому придет в голову выгнать зеркальщика и мага, способного видеть суть вещей?! Я уверен, что на днях тебе предложат повышение.

– Повышение? Какое? В нашем офисе двигаться некуда…

– Узнаешь скоро! – немного самодовольно заявил он.

– Не люблю сюрпризы! – буркнула я, требовательно посмотрев на загадочно улыбавшегося мужчину.

По возвращении домой у дверей я нашла записку: «Веди себя хорошо, куколка!»

На следующий день меня вызвали к директору филиала Сокольничему. Несколько минут он рассказывал об успехах светлоградского филиала, наш головной офис находится за Великим океаном в столице Севаша. А затем

довольно неожиданно сообщил, что благодаря его рекомендации меня, в случае согласия, назначат на должность ведущего специалиста по оценке в головную контору. Для приличия недолго подумав, я согласилась. Напоследок Сокольничий поинтересовался, хорошо ли мне работалось под его началом. И расслабился после заверений, что работалось замечательно.

Я с трудом сдержала улыбку, услышав, как директор скрипнул зубами. Еще бы, двадцатипятилетняя туманница обошла руководителя вдвое старше себя, умудренного опытом, правда, наделенного небольшим даром. Дальше призадуматься и сжать зубы пришлось мне, потому что через две недели предстоит прибыть на другой континент и приступить к своим новым обязанностям. Вежливо попрощавшись, я вполне достойно вышла из кабинета и сразу кинулась звонить Шорте Михайловичу, просить помощи. Без него завершить дела здесь и устроиться там будет невероятно сложно.

* * *

Великий океан грандиозен, необозрим и чудовищно прекрасен. Изумрудные воды убегают за горизонт, туда, где его уже коснулось ярко-оранжевое светило. Сразу после подъема я приникла к иллюминатору и смотрела вниз, наслаждаясь первым в жизни полетом на дирижабле.

На внутренних авиалиниях для перевозки грузов и пассажиров используют самолеты, но через Великий океан могли летать только дирижабли. Когда на смену старым огромным аэростатам пришли быстрые и изящные стальные птицы – самолеты, – люди попытались использовать их для межконтинентального сообщения, но вскоре убедились, что они один за другим пропадали над океаном. Как и корабли, на которых пробовали исследовать его манящие просторы мореплаватели. По неведомой причине плотный серый туман, клубящийся над водой, не пропускал ни те ни другие. Самолеты и корабли в какой-то момент исчезали с радаров безвозвратно. А коварные океанские волны ни разу не выбросили на берег с прибоем даже обломка этих пропаж.

Кто-то выдвигал предположения, что суда попадали в спонтанно возникающие электромагнитные поля. Кто-то – что туман вызывает магические воронки, в которые засасывает все на свете. Сплошные загадки и гипотезы. Дирижабли по-прежнему пересекают океан, а аварии случаются исключительно в связи с человеческим фактором. В общем, туман ни с кем не хочет делиться своими

секретами и продолжает забирать жизни неосторожных путешественников. Оттого с незапамятных времен зовется Голодным.

За бортом солнце словно погружалось в океан, окрашивая волны в красновато-розовый цвет, а плотные серые, будто живые клочья тумана зловеще нависали, кажется, ревностно охраняя свою территорию. Иногда они сливались в единую серую массу, полностью скрывая водную гладь от чужих взглядов. А потом ветер-разбойник разгонял туман, словно мерился силой с водной стихией.

Хорошо поставленным, чуть хрипловатым голосом капитан сообщил о прибытии в столицу Севаша – Солару. На Южном тоже весна, но гораздо теплее. Поэтому, услышав, что температура почти двадцать пять градусов, я обрадовалась: люблю, когда тепло.

Совсем скоро я смогла увидеть с высоты птичьего полета и саму столицу. Бесконечно длинная прибрежная полоса, застроенная респектабельными высотными гостиницами, сразу за этим своеобразным «забором» расположен такой же высоты административно-культурный центр Солары. Дальше в разные стороны разбегаются утопающие в зелени и цветах улицы с симпатичными малоэтажными домами, в которых севашцы предпочитают жить. А в высотных зданиях-башнях большей частью останавливаются туристы, курортники, проживают иностранцы вроде меня и располагаются компании.

Сойдя на землю, я глубоко вдохнула южный, наполненный солнцем морской воздух. Легкая шелковая рубашка сразу начала липнуть к телу. Пока проходила таможенный досмотр и пограничный контроль, ловила на себе любопытные заинтересованные взгляды южан. Они в основном темноволосые, шатенов среди них мало, еще меньше, чем блондинов. А уж ярких, красноволосых, подобных мне, видимо, и вовсе единицы. Да и внешность слишком… красивая, как выяснилось на личном опыте, счастья в жизни не приносит, а боль и беды – пожалуйста.

Водитель такси с энтузиазмом кинулся мне помогать: сложил в багажник два объемных чемодана и сумку, затем дверь придержал. Но улыбаться в ответ я не стала. Сдержанно поблагодарила. За четыре года жизни под колпаком я привыкла на людях постоянно держать отстраненную холодную маску безразличия, чтобы, прежде всего, ни в чем не повинных окружающих защитить от Лунева.

Авто рвануло с места, а я вновь уставилась в окно. Широкие улицы; интенсивное движение; множество зеленых островков, где под сенью деревьев расположились и молодые, и пожилые люди, мамочки с детьми; служащие спешат по делам, бегуны, велосипедисты и прочие любители здорового образа жизни – ничего необычного, кроме элементов окружающего пространства и пейзажа, свойственного столице Севаша. Сверкают вывески, реклама, в небеса устремляются здания, и ощущение, что жизнь в Соларе бьет ключом. Все-таки у нас в Светлограде спокойнее. Или просто так кажется, когда сама не в людском потоке, а критически смотришь со стороны.

Шорта Михайлович заранее помог мне найти будущее жилье поближе к месту работы, поэтому я знала, куда еду. В тридцатиэтажный дом, новенький, такой же красивый и солидный, как на фото. Приятная молодая женщина-администратор зарегистрировала меня и с дежурной улыбкой выдала ключи, предупредив, что через минутку мой багаж доставят на двенадцатый этаж.

Бегло осмотрев просторную и довольно уютную квартиру, я вышла – какая прелесть! – на широкую террасу и взглянула на город с высоты. И разглядывая оттуда южный городской пейзаж, севашцев, любуясь заходящим солнцем и красноватым небом, ощутила себя свободной. Свободной от прошлых проблем. Наконец я перевернула исписанную, с ошибками и кляксами, страницу бед и потерь.

Преступнику Луневу сюда путь закрыт. Помимо «подвигов» в Рошане, он чем-то насолил севашским власть и деньги имущим, поэтому за мной не прилетит. Не пустят. А еще неделю назад Завадия неожиданно сообщил, что он нашел себе новую любимую, надеюсь – не жертву.

У меня по-прежнему хорошая работа, более приличный доход, чем раньше, внушительный счет в банке после продажи имущества в Рошане – можно начинать с чистого листа.

С чудесной террасы, где решила проводить много времени и уже наметила план по ее улучшению, я уходила разбирать вещи с улыбкой и ощущением невероятной легкости на душе.

Глава 3

Огромное здание на Седьмой улице Солары славится престижными офисами солидных промышленных предприятий и оказывающих различного рода услуги контор, которые их хозяева арендуют или владеют дорогой недвижимостью. Компании «Теренс и Крылов», где я имею честь работать, в этой высотке принадлежат сразу три верхних этажа.

Небольшая конторка, основанная в Дареме двумя эмигрантами – Теренсом и Крыловым, заядлыми коллекционерами, – за двести лет выросла в хорошо известное в мире предприятие, занимающееся торговлей, оценкой, экспертизой – всего не перечесть. Со временем головной офис перевели в крупнейший финансовый центр мира – Солару – и открыли в столицах других стран филиалы.

Обычно во время коротких перерывов мне нравилось смотреть на город с двадцатого этажа через зеркальную стену или посидеть за чашечкой кофе. Вот и сегодня я вдохнула аромат горячего напитка, почитаемого местными жителями, прежде чем сделать первый глоток. В Севаше я научилась наслаждаться его терпким вкусом, отличать сорта и обжарку, способы приготовления и получила в подарок специальную чашку из тонкого голубого фарфора.

С момента переезда в Солару – в сущности, бегства с родины – прошел ровно год. Это точно, потому что вчера продляла договор найма квартиры. Мне исполнилось двадцать шесть, я стала уверенней и профессионального опыта набралась. Более того, месяц назад мне выделили личный кабинет и даже секретаря, оценив тем самым заслуги и способности. Теперь я заместитель начальника отдела анализа и оценки. И по любым критериям занимаю высокий пост. Получила ли удовлетворение? Сложно сказать.

Жизнь, конечно, изменилась, да и как иначе: другой континент, климат, среда, речь. Но я никак не ожидала, что внешность опять сыграет со мной злую шутку – стала вороной, в этот раз среди жгучих брюнетов. Красной вороной. Не единственной, но все равно редкой «птицей».

Еще больше напрягало любвеобилие и непосредственность южных мужчин, часто даже не считающих нужным скрывать свои желания в отношении противоположного пола. До откровенного домогательства не доходило, но

взглядом «облизать» женщину – как воды напиться. Нет, они ценят и хранят брачные узы, но, на мой «северный» взгляд, слишком много себе позволяют. Южане гораздо более эмоциональные, чувственные и вспыльчивые, чем мы, северяне. Порой я просто не знала, как адекватно реагировать на ту или иную выходку.

Сначала на новом рабочем месте навалилось все и сразу. Перво-наперво пришлось доказывать, что из-за океана прилетела красивая, но не безмозглая девушка и повышение заслужила, упорно вкалывая, а не согревая постель любого, кто может помочь в продвижении по служебной лестнице. Однако совсем скоро мужской персонал «Теренс и Крылов» впал в другую крайность: счел меня фригидной бабой-карьеристкой. Но, пусть и со скрипом, признал хорошим специалистом.

Во-вторых, почти то же самое понеслось в женской части компании: соперница, завлекающая коллег, начальство и прочих мужских индивидуумов. И вот именно с женщинами пришлось сложнее, потому что их ненависть, зависть и месть страшнее Голодного тумана. На работу первые полгода я шла как в бой, считая подковерные интриги своеобразными военными действиями. Но я сильная и ноги вытирать о себя не позволила, помыкать тоже.

Теперь за спиной меня называют Ледышкой, считая холодной бессердечной стервой. Положение и должность обязывают работать больше других. Даже хуже, мне приходится быть лучше многих. Как ни обидно, но мужчинам ошибки простят, а «выскочке» из Рошаны, да еще молодой красивой женщине – сомневаюсь.

Переезжая сюда, я мечтала о свободе и любви, а получила… работу от зари до зари и еще больше ограничений, чем в Рошане, под наблюдением садиста Лунева. В континентальном Светлограде по-хорошему завидовала жителям побережья, куда летали на отдых наши знакомые, – океан, курорт, теплый климат. Красота! А поселившись в Соларе, где все эти прелести буквально под боком, хоть каждый день купайся-загорай, то времени нет, то желания. Как-то не очень удачно моя новая жизнь началась.

– Эвелина Андреевна, вас вызывает господин Ноэре, – ожил динамик внутренней связи. – Он просил как можно быстрее…

С сожалением отставив недопитый кофе, я одернула полы жакета и бросила короткий тоскливый взгляд на небо за окном. Если глава компании просит, считай – приказывает, лучше поторопиться.

Пока поднималась на верхний, самый «главный» этаж, встретила нескольких коллег. Каждый улыбался, кивал, о чем-то спрашивал или даже отпускал комплимент, а я подсознательно отмечала в их глазах неприятие и зависть. Ведь многие здесь десятилетиями работают, а не достигли и десятой доли моего успеха. За что любить пришлую конкурентку?! Поэтому привычно поднимала подбородок и отвечала любезной и, наверное, неискренней улыбкой на такую же, пряча эмоции. Не дождутся от меня маски холодной стервы: так безопаснее, хорошая защита от недругов и ненужного внимания.

Секретарь главы, разговаривавшая по телефону, коротко кивнула, приветствуя меня, и жестом поторопила пройти в кабинет. Милая мудрая женщина – кто, как не она, знает, что уважаемых господ членов совета директоров компании красивой мордашкой не проймешь. Нужно упорно работать, чтобы получить от них немного плюшек.

Я незаметно глубоко вздохнула, открывая дверь в «поднебесье»: огромное угловое помещение с прозрачными стеклянными стенами, с потрясающим видом на океан и, кажется, весь мир. Интерьер выдержан в мягких бежевых тонах, стены украшают несколько картин известных художников, современная дорогая мебель. Сегодня здесь собралось сразу несколько человек – одни мужчины. Все встали при моем появлении; в среде искусства и власти учтивость и вежливость весьма ценятся.

– Госпожа Кыш, проходите, у нас будет серьезный разговор. – Ноэре заставил меня насторожиться. – Присаживайтесь.

Бенедикт Ноэре – успешный бизнесмен, уже двадцать лет возглавляющий совет директоров «Теренс и Крылов», при том что в родственных связях с семьями основателей и держателей контрольного пакета акций не состоит и туманным даром не обладает. Возраст у него за семьдесят, хотя внешне сохранился очень даже прилично. Ходят сплетни, что глава T&K, обделенный магией, пользуется некими эликсирами молодости.

Помимо него еще и наш начальник юридического отдела Тадеуш Мончик – отец двоих малолетних детей, пытавшийся волочиться за мной. Из случайно подслушанных разговоров сотрудниц других отделов, перемывавших ему косточки в туалете, еще и «бедняжечка», обремененный супругой, которая мало того, что изменяет ему, так еще и выпить не дура. Троих других мужчин, устроившихся в креслах и на диване, я увидела впервые. Напротив них мне и указали занять свободное место в кресле.

Я выпрямила спину и приготовилась слушать. Примерная девочка, да и только: гладко зачесанные в высокий хвост на макушке волосы, элегантный костюм, под которым яркое кружевное белье. Обманчиво примерная, потому что иногда позволяю себе «похулиганить». За глаза наслушавшись всяко-разно в свой адрес и в душе обидевшись на прозвище «Ледышка», я в пику сплетникам накупила «завлекательного» нижнего белья. А потом отметила, что, заметив лишь краешек кружевного бюстье, мужчины перестают связно мыслить и теряют нить разговора. Чем научилась пользоваться в критических ситуациях.

В отличие от Тадеуша, взглянувшего на меня с нескрываемым удовольствием, незнакомцы смотрели удивленно. Обычная история: уважаемые южные господа, несомненно явившиеся к Ноэре по сверхважному делу, по определению не доверяют слишком молоденькой девушке-иностранке. Предполагали увидеть солидного туманника, а не рыжую, стройную, зеленоглазую цыпочку. Я мысленно усмехнулась и проследила, как самый молодой из них скосил глаза на мои ноги, выгодно подчеркнутые туфлями на шпильке.

Этого я условно назвала «законником», потому что он похож на служащих Внутреннего контроля. В Рошане и Севаше я достаточно часто общалась с представителями закона. Здесь органы правопорядка тоже раскрывают убийства, мошенничества, кражи, в том числе предметов искусства. Как же на них не покуситься-то?! Поэтому по роду своей деятельности мне пришлось столкнуться с представителями заокеанских законников.

Надо отдать ему должное, на моей фигуре он остановил внимание на несколько мгновений, а затем цепким, пронзительным взглядом изучал лицо. Так, словно пытался вытащить из меня всю подноготную. Законники, как мне кажется, во всех странах одинаковые. И еще, у этого на левом боку строгий черный недорогой пиджак топорщился – наверняка оружие под мышкой.

На втором госте – брюнете, как и подавляющее число жителей Южного континента, – костюм не чета тому, который на законнике, дорогой. И вид у господина – лощеного проныры. Возможно, адвокат. В ярко-синих глазах светится мужской интерес и недоумение: обманули, обставили, подсунули не пойми кого, а денег пытаются срубить… так и читалось на его лице.

Третий мужчина – самый неоднозначный – солидный, крепкий и высокий, с резкими чертами лица и квадратным подбородком. Такие прут к цели не сворачивая, как буйволы к водопою во время засухи. Держится прямо, значительно и, точно по многолетней привычке, смотрит так же. Безусловно, передо мной личность, облеченная властью. Правда, нет-нет да проскальзывали неуверенность и тщательно скрываемое отчаяние в его черных умных глазах.

Несколько секунд посмотрев на меня, на Ноэре, опять на меня, он подтвердил первое мнение, складывающееся обо мне у богатых клиентов:

– Вы хотите сказать, что эта… юная особа в состоянии мне помочь?

Я опустила глаза, чтобы не смущать «бедных» мужчин, которые сейчас испытывают затруднения в жизни. По другой причине к Ноэре не приходят: слишком дорогое «удовольствие».

Глава компании хитро ухмыльнулся, а вместо него ответил Тадеуш Мончик:

– Помните дело Маруно?

– Когда пытались обмануть страховую компанию «Томсон и сын»?

– Да! – подтвердил юрист. – Именно госпожа Кыш выявила подлог и спасла Томсонов от многомиллионной выплаты мошенникам и соответственно – от банкротства. А ведь все остальные твердили, что ничего нельзя сделать…

Гости сразу уставились на меня другими глазами.

Наконец, самый представительный господин с надеждой во взгляде протянул мне широкую ладонь:

– Тим Берк…

Тадеуш Мончик добавил со значением:

– Председатель шестого судебного округа Солары.

Берк передернул мощными плечами и, почти обжигая меня черными глазами, добавил:

– Если вы мне не поможете, то бывший… судья.

Я пожала протянутую руку, оказавшуюся твердой, уверенной, сухой.

– Эвелина Андреевна Кыш, приятно познакомиться… даже в таких обстоятельствах. Я постараюсь вам помочь, господин судья, сделать все, что в моих силах.

– Алекс Мессир, – представился дорого одетый мужчина с хитрющими синими глазами. – Я представляю интересы судьи Берка и…

Берк поднял руку, и адвокат замолчал.

– Месяц назад мне предъявили обвинение во взятке. По сути, отпустил опасного преступника за вознаграждение.

– Неужели отпустили? – вырвалось у меня.

– Нет.

– И денег не брали, и не подсуживали… – любопытствовала я.

– Нет, – раздраженно рыкнул судья.

Похоже, допекли его подобными вопросами.

– Тогда должны быть железные доказательства вашей вины.

– Меня подставили, – он сжал внушительные кулаки, – обложили очень профессионально. Со всех сторон. Никто не верит, что я не брал. Никто! Даже родные отвернулись…

В разговор неожиданно вмешался третий гость:

– Следователь Мертс. – Встав с кресла, обошел его, облокотился на спинку и, в который раз бросив любопытный взгляд в мое декольте, сообщил: – Сопровождаю задержанного, чтобы не допустить сговора и побега. После получения анонимной информации мы вели господина Берка несколько дней. Учитывая его статус и тяжесть обвинений, были проведены все процедуры и проверки. Выяснили время и лицо, которое должно передать взятку. Тайком «повесили» камеру на того человека и записали весь разговор и передачу денег.

– Я не брал, слышите, я не брал этих денег! – взревел отчаявшийся судья.

– Но именно вы в вашем кабинете обговорили окончательные детали помощи в освобождении убийцы, озвучили точную сумму и забрали ее у родственницы преступника. Подробности происходившего там сняты, запись видели с десяток законников и ваших же коллег.

– Я не знаю, каким образом, но меня подставили, – глухо произнес Берк, зарываясь пальцами в свою шевелюру. – Так просто, но так ужасно. И я не помню ничего…

– Плохой способ защиты – давить на амнезию. Тем более учитывая тот факт, что менталисты вас проверили – никаких внушений вам не делали. Медики подтвердили: вас ничем не травили, чтобы одурманить. Взятку вы брали в светлом уме и твердой памяти, муки совести не испытывали. А потом на радостях приняли дорогого коллекционного коньяка… Не беспокойтесь, господин Берк, уверен, коллеги судьи, учитывая ваши прежние заслуги, много вам не дадут. Вероятно, отделаетесь символическим наказанием…

– Что требуется от меня? – оборвала я уверенного следователя, даже мысли не допустившего о невиновности судьи.

– Я использовал все возможности, чтобы оправдаться. Вы – последняя. – Берк нервно передернул плечами, видно, не верил больше ни во что, но упорно не хотел мириться с поражением. – Все происходило в моем кабинете, а насколько я понял, зеркальщики могут как-то увидеть…

– Есть отличные записи с камер. Зачем туманников звать? – с сарказмом усмехнулся Мертс.

Я перевела взгляд на Ноэре в ожидании указаний. Тяжело вздохнув, он неожиданно мягко произнес:

– Я слышал о судье Берке только хорошее, поезжайте, посмотрите…

– Учитывая, что судья за эту бессмысленную затею отвалил вам свои последние, причем немалые деньги, оставшиеся после оплаты дорогого адвоката, то он действительно очень хороший человек, – едко заметил следователь.

– Мертс, я подам на вас жалобу в комиссию по этике за неподобающее поведение и нападки, – громко, с чувством выполненного долга объявил адвокат.

Предотвращая дальнейший накал страстей, я встала:

– Мы должны выехать сейчас или?..

– Да. Всего хорошего, господа, удачи, – попрощался Ноэре.

Пока мы спускались вниз, Мертс с насмешливой ехидцей предложил:

– У нас столько висяков в отделе, не хотите помочь?

– У вас же камеры хорошо работают, лучше любого туманника, – холодно ответила я, выходя из лифта в подземной парковке. – В конце концов, это работа, за которую вам платят.

Адвокат удовлетворенно хмыкнул. Да и Мертс не обиделся; я всем телом ощущала его тяжелый мужской взгляд, пока мы не разошлись по машинам.

У широкой лестницы здания суда Берк было предложил мне локоть, но замер на полпути – вспомнил, что стал нежелательной персоной. Но руку опустить не успел – я положила ладонь на сгиб, благодарно улыбнувшись, и ощутила, как он облегченно выдохнул. А затем лицо опального судьи словно застыло под сопровождавшими нас изумленными взглядами служащих суда. Я сжимала пальцы на его предплечье, пытаясь передать хоть часть уверенности и оказать моральную поддержку. Не знаю почему, но верила в невиновность Берка.

Мертс вызвал своих коллег и попросил пригласить свидетелей в кабинет господина Берка, слава высшим, на время следствия закрытый. Сначала я с порога осмотрела это довольно большое, светлое, квадратное помещение. Остальные толпились за спиной, перешептываясь обо мне, Берке, взятке и прочем. Кто-то даже не скрывал своей зависти, злобы и гадких слов. Хищник ранен и ослаб, а дальше включается свора.

Я повернулась к Мертсу:

– Если ваши камеры здесь еще стоят, включите и проверьте состояние. В кабинет можно пропустить не более трех человек. Они будут стоять у меня за спиной. Выберете, кого именно. Остальные могут остаться в проходе.

Спустя пару минут все было готово к просмотру: Мертс с коллегой и свидетелем встали позади меня. Еще двое и второй свидетель замерли в дверном проеме.

– Присядьте на корточки у окна, с места не двигаться, меня не отвлекать, что бы ни происходило, – дала я указание, концентрируясь.

В кабинете оказалось лишь небольшое зеркало, но вдоль стен стояли большие шкафы со стеклянными дверцами, заставленные книгами и папками. Шкаф для верхней одежды почему-то расположили у окна, зато полированный. На стенах множество наградных и квалификационных документов в рамках. Окна, благодаря южному климату, большие и с затемненным стеклом, чтобы помещения на солнце не нагревались.

Я отключилась от окружения, подошла к висящему сбоку от двери зеркалу и положила ладонь на него. Энергетический толчок – и зеркальная поверхность покрылась рябью, потом словно волна побежала. Внутри у меня все заныло, но я

быстро сняла ограничения, выпуская дар на свободу, создавая завихрения силы. Зеркальные волны достигли границ рамки, а затем, подобно уменьшенному в сотни раз взрыву, разлетелись по кабинету и блестящими брызгами коснулись каждой отражающей поверхности.

Краем глаза заметила, как все присутствующие испуганно пригнулись, а некоторые и вовсе шарахнулись в сторону от зеркальных брызг, хорошо еще, остальные силовые вихри вижу только я или другой зеркальщик. А то всеобщая паника была бы обеспечена!

Пошел процесс считывания. Прямо в воздухе возникали иллюзорные картинки происшедших событий, только в обратном порядке. Я заставила не имеющие отношения к делу «кадры» быстрее исчезать в пустоте, а когда начались нужные, наоборот, замедлила.

Пропустила оформление протокола, обыск, даже ошарашенного Берка промотала быстрее, чтобы не напоминать участникам следственного мероприятия о его страхе и слабости. Кто бы не испугался, очнувшись в наручниках? Когда беднягу уводили, служащие и законники ехидничали о нем здесь же, в кабинете – смотреть противно! Кто-то из наблюдающих сейчас свидетелей осуждающе фыркнул.

А мы тем временем добрались до момента начала «детектива». Вот в комнату вваливаются представители закона, а мимо них незамеченным выскальзывает незнакомец. Затем предыдущая ситуация: незнакомый мужчина вытаскивает из шкафа бессознательного судью и создает ложную картину возлияния на радостях от обретения кучи денег. Затем надевает амулет «полог невидимости» – дорогая и запрещенная во всех странах штука, вообще-то, – и становится в угол, ожидая «группу захвата». Только от зеркальщика ему не спрятаться. Далее законники ввалились в комнату, ожидаемо не узрев тайного дирижера преступления.

Мы дружно следили за развитием событий. Новая сценка, во время которой судья, как мы знаем, «хранится» в шкафу: тот самый незнакомец надел другой амулет и обрел личину Берка – кстати, и этот артефакт под строжайшим запретом, за владение, а уж тем более использование, светит суровая статья. «Поддельный» Берк быстро усаживается в кресло судьи, хватает ручку и изображает кипучую деятельность. Затем встречает симпатичную молодую брюнетку, которая громким, хорошо поставленным голосом вещает, что она

родственница незадачливого убийцы и готова, как договорились, дать взятку судье.

Я вот ни разу взяток не давала, но мне казалось, что это делается тихонько, тайно, а здесь… Впечатление создавалось, что девушка боялась остаться неуслышанной, прямо как актриса на задних рядах. Да и «судья» с радушной и наигранно мерзопакостной ухмылкой выхватывал деньги, рассказывал, на что их потратит, как будет вытаскивать преступника из неприятностей. Смех, да и только!

Со стороны, когда видны «милые» подробности, все казалось очевидным и глупым, и я слышала, как тяжело дышал Мертс.

Новая «картинка», до прихода «родственницы»: тот самый незнакомец «радушно» встретил пришедшего к себе в кабинет и не ожидавшего там гостей настоящего судью Берка «пыльцой забвения». Это наркотическое средство применяют, если нужно ненадолго отключить особо буйных в психушке, еще – разбушевавшихся шелонов, которые самостоятельно не могут выйти из транса. Сознание выключает ненадолго, следов не оставляет, и даже голова не болит.

Я улыбнулась, не выдержав, когда тот ретивый незнакомец, хрипя от напряжения, засовывал здоровенного судью в шкаф. Удалось с третьей попытки. Правда, бедняге Берку собственными ногами по голове досталось. Видимо, после заключения в шкафу у него голова и разболелась.

Отражения раскручивались и раскручивались в прошлое, показывая все, что видели зеркальные поверхности. Мы захватили серьезный разговор судьи с прокурором, где по другому делу, которое вел Берк, он указывал на недоработки – могли обвинить невиновного. А пока он судья, не допустит халатности, ведь судьбы людей решаются.

– Хватит! – услышала я Мертса.

– Уверены? – хрипло от напряжения спросила я, останавливая процесс считывания.

– Мы не имеем права просматривать работу судьи вне рассматриваемого дела, – мрачно пояснил Мертс. Признал-таки, что Берк не виновен.

Я улыбнулась:

– Значит, камеры не всегда лучше туманника?

– Может, поможете еще в…

– Нет!

Этим ушлым законникам палец в рот не клади – руку по самый локоть откусят.

Прислонившись к добротному, под стать судье, столу, я закрыла глаза и методично восстанавливала щиты, запирая свой дар под замок. Слушала, как Мертс принес извинения Берку, сообщив, что в ближайшие сутки с него снимут все обвинения. И что о досадной ошибке, имевшей место, доведут до сведения руководства и средств массовой информации, чтобы восстановить честное имя судьи.

Вскоре загомонили судейские, рассказывая о своей вере в Берка, не угасавшей до последней минуты. Я глубоко вздохнула и горько усмехнулась, но на душе было светло и радостно: моя помощь пригодилась. И порядочный человек напрасно не пострадал.

– Я благодарен вам, госпожа Кыш, за все! – тихо сказал Берк, почти бесшумно приблизившись.

– Моя компания получила за услуги. – Я с улыбкой посмотрела на него. – Обращайтесь ко мне по имени – Эвелина. Пожалуйста.

– Они – да, но чем отблагодарить вас? – нахмурился Берк.

– Просто оставайтесь прежним: честным и ответственным. Я буду знать, что благодаря вам мир вокруг более безопасный и справедливый.

– Вы так в меня верите?

Улыбнувшись, не размыкая губ, я пожала плечами и кивнула.

– Не знаете, кто те преступники и за что они вас? – спросила я, отходя от стола.

Он поморщился, глядя в пол, и ответил:

– Недавно завершился процесс. На скамье подсудимых оказались двое обвиняемых в убийстве. Бывшие одноклассники и друзья, только один – мошенник, а второй – респектабельный молодой человек. Преступление запутанное, конечно, до последнего было не ясно, кто из них убивал, а кого подставили. Все в один голос твердили, что убийца – мошенник, но улики показывали на второго юношу. Я обязан исследовать улики и показания свидетелей и приговор выносить на их основании. Этот… мужчина, подставивший меня, – двоюродный брат осужденного богатого парня. Если бы приговор по обвинению во взятке вступил в силу, речь бы шла о прекращении того дела или его пересмотре. То есть, по сути, об освобождении убийцы.

– Он хорошо подготовился, – с горечью выдохнула я.

– Да уж, – потемнел лицом судья.

– До свидания, господин Берк. Удачи вам, – опять улыбнулась я, сама себе удивляясь сегодня.

– И вам тоже, Эвелина. В случае чего, обращайтесь…

– Нет-нет, спасибо, я как-нибудь без вашей помощи лучше, – с наигранным возмущением я замахала руками.

Глава 4

– Эвелина Андреевна, к вам Ясмина Лали, – услышала я бойкий голос своего секретаря.

На работе ко мне обращаются, как принято в Рошане, по имени-отчеству, впрочем, в «Теренс и Крылов» ко всем, и служащим, и клиентам, принято

обращаться в соответствии с традициями его родины, если не просят об ином. Через секунду последовала осторожная просьба:

– Пожалуйста, разрешите мне сегодня уйти на час раньше? Мы с женихом хотели выбрать обручальные кольца, и…

– Да, конечно, Милен, иди. Удачной покупки и отличных выходных, – с улыбкой разрешила я.

– Спасибо! – расслабилась девушка.

Я отстранилась от стола, отключая связь, и в этот момент в кабинет вплыла, являя себя «простому люду», шикарная женщина – Ясмина Лали. Второй помощник Тадеуша Мончика; слишком молодой, как принято считать у акул юридической сферы, но весьма умный, опытный и хваткий специалист. Кроме того, двадцатисемилетняя туманница-менталистка, по ее словам, «не отягощенная отношениями ввиду отсутствия времени на личную жизнь».

Ясмина остановилась посередине кабинета и мрачно уставилась на меня, поджав пухлые губы. Мы почти одного роста, сложения, только бедра у Ясмины пошире и попа покруглее. Хороша: медные волосы отливают рыжиной, кожа золотистая, на слегка вздернутом симпатичном носике милые веснушки, щеки с ямочками – из того типа обаятельных красавиц, которые смотрят на вас с улыбкой, и кажется – весь мир улыбается именно вам.

Невероятно, но факт – Ясмину Лали опасается и одновременно любит весь коллектив. Полгода назад мы подружились и вскоре стали не разлей вода, могли рассказать друг другу обо всем на свете. Ясмина – отличный друг и опасный враг. Проще с гадюкой договориться, чем в случае чего с ней мириться. А благодаря дару менталиста ложь и преднамеренное зло чувствует сразу.

Подруга уперла кулаки в бока, картинно отставив точеную ступню в черной туфельке на высокой шпильке. А я оценила темно-синий жакет с короткой юбкой, идеально облегающие ее фигуру. Эта женщина знает, что сексуальна, и без зазрения совести пользуется своими способностями, когда нужно подтолкнуть мужчину идти у нее на поводу. Но таковое касается работы, а в личной жизни она скромная, неуверенная в себе и уже какой год ожидает брутального самца, который взвалит ее на плечо и унесет в комфортабельную

«пещеру», обставленную по последнему слову техники. Но до сих пор ей встречаются лишь рафинированные юристы, готовые взвалить на свои плечи исключительно дорогой пиджак и ручку делового портфеля.

– Чего сидим, ждем у океана туман? – поинтересовалась Ясмина. – Мне звонила Рева, вопила, что объект может уйти, а до тебя не дозвонилась.

Я вскинула испуганный взгляд на подругу:

– Меня глава вызывал оценить дорогую безделушку. Хотел удостовериться, что подлинная. А секретарь на радостях забыла сказать о звонке.

– Ну и?..

– Что – и? Фальшивка. У Ноэре глаз наметанный. Просто обратилась супруга его очень близкого друга, и он не хотел расстраивать пожилую женщину сам. Ну ты понимаешь.

Пока рассказывала, быстро собирала в небольшой кожаный портфель все, что обычно носят в дамских сумочках, и в полной готовности покинуть кабинет посмотрела на подругу.

– Горе ты мое, пошли уже, – усмехнулась Ясмина, опекавшая меня, как старшая сестра.

Она была совсем юной, когда ее родители развелись. Отец, занимавший тогда большой пост в военном ведомстве, «отвоевал» Ясмину у матери, которую считал наглой манипуляторшей и прожигательницей жизни. И воспитывал девочку скорее как будущего офицера, опасаясь дурной наследственности. В общем, терпения у южан не хватает, хоть и разводы у них редкость, а вот собственники они знатные.

Недавно отец Ясмины умер, а отношения с матерью не сложились, как и с родственниками по ее линии, и мы, обе одиночки, с радостью нашли друг в друге отдушину и родственное тепло.

Красный открытый спортивный автомобиль Ясмины словно на волю вырвался из подземной парковки и покатил по солнечным улицам Солары. С удовольствием ощущая на лицах ветер, треплющий наши рыжие макушки, мы пролетели мимо моего жилого комплекса – подруга обожает скорость, в отличие от меня, – и направились дальше от центра, в район особняков, напоминающих дворцы, и коттеджей, окруженных зелеными газонами и деревьями.

Однажды Ясмина заявила, что живьем с меня не слезет, пока не уговорит завести «родовое гнездо» – обосноваться в собственном жилье, чтобы прорасти корнями в землю Солары и принять Севаш как новый дом. По ее мнению, именно тогда изменится моя жизнь и я сама. Сопротивляться настойчивому и крайне убедительному в своих доводах менталисту, даже среднему, было сложно, пришлось мне, поразмыслив, согласиться.

Территория высотной застройки резко оборвалась. Мелькавшие вначале солидные богатые резиденции сменились тихими, ухоженными, симпатичными кварталами, где обосновался средний класс. Мы свернули на одну из таких вечнозеленых цветущих улиц и припарковались на стоянке возле респектабельного автомобиля одной из знакомых Ясмины – успешной женщины, надо полагать, если на таком транспорте ездит. Я осмотрелась. Утопающая в зелени улочка с хорошенькими, будто игрушечными двухэтажными домиками с ухоженными цветниками и лужайками. Возле некоторых играют дети. Милая, приятная глазу картина спокойствия и благополучия.

Потом обратила внимание на два дома, почему-то построенных близко друг к другу и, кажется, глядевших на меня глазами-окнами. Оба практически одинаковые, из квадратного бруса, с покатыми черепичными крышами. Двор скрыт за двухметровым забором, отделяющим территорию от соседской и создающим некую приватность. А между домами заборчик декоративный, можно сказать, чисто символический, и вдоль него на задний двор ведут плиточные дорожки.

И все же дом слева выглядит светлым и солнечным, а справа – хмурым букой, неприветливо и подозрительно взирающим на прохожих. Увидев у невысокого крылечка приглянувшегося домика приехавшую на дорогом автомобиле Реву, с профессиональной доброжелательной улыбкой помахавшую нам ключами, я облегченно выдохнула. Ясмина, подхватив меня за руку, зашептала:

– Я проверила по всем своим каналам и связям. Дом «чистый», без криминального прошлого, почти новенький. Хозяева – хорошие люди, а продают, потому что переезжают к дочери. Та вышла замуж за какого-то фермера, разводящего скот далеко от побережья, нарожала кучу детишек, и ей требуется помощь родителей! – Ясмина перевела дыхание и позавидовала: – Вот везет же некоторым! Семья, дети…

– За тобой Бенни из аналитического отдела бегает. Не сомневайся, он готов исполнить твою мечту и завести хоть с десяток ребятишек.

– Как он настрогал своей четвертой жене? – презрительно хмыкнула Ясмина.

Я споткнулась:

– Да-а-а?

Ясмина протянула изящную, ухоженную наманикюренную ручку Реве, агенту из юридической конторы, специализирующейся на сделках с недвижимостью, профессионально улыбнулась, представив нас, и так же спокойно продолжила:

– Эва, не будь наивной, Бен обеспеченную женщину ищет, у него же большая часть заработка на содержание детей уходит. Я-то своих прокормлю, но его самого ведь тоже придется.

Рева, слышавшая наш разговор, тоже включилась:

– Мужчины – что с них взять! Я два дня назад завершила сделку. Представляете: такой неуемный половой гигант умер, забыв написать завещание! Продуктовую лавочку с квартиркой сверху делили шесть жен и восемнадцать детей – нарочно не придумаешь. Я прокляла тот день, когда подписала договор на продажу его имущества. Гонорар – кот наплакал, а нервы растянули до Северного континента.

И она открыла дверь в дом – мой будущий дом, в чем я уже почти не сомневалась.

– Надо было увеличить процент гонорара пропорционально количеству наследников, – усмехнулась Ясмина.

Рева бросила на нее взгляд:

– Впредь буду хитрее.

– Совет бесплатный, в качестве бонуса за эту сделку, – флегматично добавила Ясмина. У Ревы выражение лица стало заинтересованным – наверняка из тех, кто сделку сразу чуют.

Пока специалисты обсуждали условия продажи, я осматривала дом. Из прихожей на второй этаж ведет добротная деревянная старомодная лестница, слева широкая арка в светлую просторную гостиную, справа большая кухня с примыкающей к ней верандой и ванная комната. Открыв заднюю дверь, полюбовалась небольшим хорошеньким садиком, в центре которого росло раскидистое дерево с качелями на толстой ветке. Ох, как же здесь будет здорово посидеть вечером за чаем!

Вернулась в прихожую, затем поднялась на второй этаж. Три комнаты и большая ванная. В одной из комнат, в которую влюбилась с первого взгляда и решила, что в ней непременно должна быть моя спальня, я остановилась у окна и выглянула во двор. В окне дома-буки напротив заметила темную высокую фигуру – мужчина быстро складывал вещи в сумку. На заднем дворе его дома я не заметила ничего, что говорило бы о том, что здесь живут дети. Может, молодая семья? Или одиночка? Пожав плечами, я пошла любоваться дальше, мысленно расставляя мебель.

Ясмина поднялась из подвала с сияющей довольной улыбкой:

– Все добротное, надежное. Хозяева попались толковые и тщательно следили за домом.

Мы с подругой еще раз прошлись по комнатам, сунув нос в каждую щель, после чего дали агенту указание готовить купчую и договорились о времени сделки. Я чувствовала себя счастливой – у меня вот-вот будет свой дом…

– Осталось только машину купить – и ты устроена, – удовлетворенно заявила подруга, просматривая документы на дом.

Рева немного нервничала, в полной мере осознав, что работает со специалистами знаменитого предприятия «Теренс и Крылов». А ну если что не так? Тем более Ясмина не преминула предупредить ее о последствиях, весьма многозначительно посмотрев при этом.

– Завтра же пригласим моего знакомого подрядчика, чтобы прикинул объем ремонта, – сообщила она, помахав рукой отъезжающей Реве.

В этот момент хлопнула дверь. Из таинственного сумрака узкой, защищающей вход от жаркого солнца веранды соседнего дома вышел молодой мужчина в темной форме ВКС – Внутреннего контроля Севаша, сотрудников которого местное население немного смешно называет «внуками». И пока высокий худощавый брюнет в плотно облегающей форме, под которой перекатывались крепкие мускулы, спускался по ступенькам, мы поедали его любопытными взглядами.

– Смотри, как повезло, – ткнула меня локтем в бок Ясмина, – сосед – внук, будешь как у бога за пазухой. Ни один домушник не полезет.

Незнакомец сунул ключи в сумку, тщательно застегнул и наконец-то поднял голову, и я рассмотрела подробнее его немного угловатое узкое лицо с приятными чертами и яркими синими глазами. Через секунду он быстро шагал по дорожке к черному, наспех припаркованному автомобилю.

Мы тоже привлекли его внимание, вернее, моя подруга, получившая очень жаркий, плотоядный мужской взгляд. Внук немного помедлил, прежде чем сесть в машину, видимо, хотел подойти к нам, но поморщился, подмигнул, мол, ничего не поделаешь – спешу, и открыл дверь. Перед тем как сесть, он положил на крышу руку с блестящей татуировкой мага-ищейки, а затем, еще раз «облизав» Ясмину горячим взглядом, хлопнул дверью и укатил прочь.

– Может, мне у тебя пожить после ремонта… Помочь освоиться, а?.. – задумчиво протянула Ясмина вслед соседу.

– Ты разве не заметила? Это не просто внук, еще и туманник-ищейка. Ты готова к отношениям с таким мужчиной? – прояснила я ситуацию, когда черный автомобиль свернул на перекрестке и исчез из виду.

– Ищейка? Уверена? – неприятно удивилась она.

– Да, у него специальный знак на руке. Предупреждение.

Подруга разочарованно опустила плечи – наверняка расстроилась. Всем известно: брак с туманником и так, мягко выражаясь, простым не бывает, а уж с ищейкой… значит, никаких тайн, секретов и сюрпризов. Ищейки подмечают все скрытые стороны, нюансы и мелочи. Если уж «встают на след», то не свернут и не сойдут с пути. В результате у них стопроцентная раскрываемость преступлений, они лучшие поисковики, археологи, следователи. Пока не получат ответ на поставленный вопрос, дар не отпустит, будет мучить хозяина, вынуждая искать и искать разгадку.

Ищейки – категория туманников, от которых, как и от шелонов, лучше держаться подальше. Одержимый партнер мало кому придется по душе.

– Эх, а какой симпатичный… видный мужчина…

– У тебя будет возможность подумать, ведь он, похоже, мой новый сосед, – улыбнулась я, обняв подругу и прижав к своему боку.

– Мне срочно нужна терапия! Поехали по магазинам, присмотрим тебе мебель и прочие радости домашнего уюта.

– Вечер же уже… Ты уверена, что готова вечер пятницы тратить на магазины в моей компании?

– О да-а! На магазины я готова тратить любое время, – рассмеялась подруга и мечтательно закатила глаза: – Эва, а давай сразу в автосалон заедем, я тебе чудесную машинку покажу, как раз для такой тихоходной девушки, как ты, подойдет.

– Нет-нет, машину я лучше сама выберу. Знаю я твой вкус.

Шутливо препираясь, мы сели в скоростной автомобиль подруги и покатили развлекаться. Хотелось петь от радости – жизнь непременно изменится к лучшему, и первый шаг я сделала.

Глава 5

«Доброе утро, дорогие наши слушатели! Сегодня ожидается прекрасная погода. Весна помогает раскрываться нашим сердцам, и надеемся, вас согреет не только солнце, но и любовь! – вещал приятный голос ведущего одного из радиоканалов. – Совсем скоро вы услышите самые популярные музыкальные композиции, а сейчас короткие новости.

Праздничные мероприятия, обычно устраиваемые городской управой в первые дни лета в Соларе, пройдут в следующее воскресенье. Жителей и гостей столицы ожидает разнообразная программа. Каждый найдет себе развлечение по душе.

Печальная новость: минувшей ночью произошло убийство. По сообщению нашего источника из Внутреннего контроля, жертвой убийцы стала очередная рыжеволосая женщина. Предположительно, это дело рук так называемого Любителя Красного – маньяка, который на протяжении года безнаказанно орудует на улицах Солары. Законники пока молчат и от каких-либо официальных комментариев воздерживаются. Видимо, им нечего сказать по поводу расследования гибели уже шести женщин, имевших несчастье родиться рыжими…»

– Переключи, пожалуйста, – нервно передернулась Ясмина, а не дождавшись от меня быстрой реакции, протянула руку и выключила радио сама.

– А-а-а… испугалась?! – поддразнила я.

– За тебя, между прочим, – съязвила она, затем широко ухмыльнулась, поправила перед зеркальцем свои медного оттенка волосы, сегодня завитые мелкими кудрями. – Куда уж краснее тебя-то…

– Странно, вообще-то, что его долго поймать не могут, – пробурчала я, внимательно глядя на дорогу.

За месяц я и дом отделала по своему вкусу, и машину купила, теперь вот вспоминаю навыки вождения под руководством подруги. В общем, скучать некогда.

– А почему странно?

– В Рошане маньяков почти нет, тем более в столице. Там целый отдел организован из туманников разной специализации. И подобных типов вычисляют на раз-два. Меня как-то пытались уговорить работать у них, но я отказалась. Не хочу иметь дело с убийствами постоянно… боюсь…

– Да уж, приятного мало, – вздохнула Ясмина. – Старинный друг отца работает в ВКС. Мы с ним недавно встретились на кладбище, посидели, папку вспомнили, заодно и об этом маньяке поговорили. Он предупредил, чтобы я одна по ночам не шлялась по городу.

– Знал бы он о твоих посиделках на работе до ночи, – ехидно поддела я.

– С тобой на пару, между прочим! – Подруга «по несчастью» скептически посмотрела на меня. – У нас на Красного тоже опытная команда туманников охотится, но пока тщетно. Подозревают, что он сам туманник. Вероятно, иллюзионист.

– Ничего себе! А я об этом еще ни разу не слышала.

– Эва, ты только представь, что начнется, если народ узнает! Нас, магов, всего пять процентов населения! А сколько времени потребовалось, чтобы примирить обычных людей с существованием туманников? Не обращать внимания на менталистов, поголовно занятых в финансовой или юридической сфере? Прочищающих всем мозги, что правильно или верно. На одержимых шелонов, которые сами не знают, когда у них крышу снесет. На жутких экзорцистов, которые могут освободить душу от демонов или, наоборот, отдать. На иллюзионистов…

Ясмина помолчала, а потом продолжила:

– Недавно об одном случае в отделе рассказывали: брат нашей сотрудницы влюбился, женился, а спустя год его женушка во время беременности нечаянно в обморок хлопнулась – иллюзия-то спала, а там…

– Некрасивая, да? – предположила я, прерывая выразительную паузу.

Подруга не заставила долго ждать:

– Слабо сказано! Ей даже пластический хирург вряд ли помог бы с первого раза. Видимо, поэтому она лишь на свои чары и надеялась.

– И что муж? Теперь?

– Лечится… алкоголем. Точнее, улучшает собственное восприятие законной половины, – хохотнула Ясмина. – И копит на пластического хирурга.

– Надо же, простил. Решил помочь жене лицо изменить?

– Нет, дочка у него скоро родится, вот он ее будущим и обеспокоился.

Посмеиваясь, я выслушала еще несколько сплетен и новостей, пока мы добирались до цели – даже не особняка, а дворца с белоснежными колоннами, на подъезде к которому припаркован с десяток служебных автомобилей ВКС и прочих в этом духе. Поставив рядом с ними свой небольшой новенький автомобильчик, я недоуменно посмотрела на Ясмину:

– Я чего-то не знаю о предстоящем деле?

Она тоже в некотором удивлении осмотрелась и, пожав плечами, призналась:

– Не намного больше, чем я. Мне известно, что этот дом принадлежит аристократам – семье Равартесс, насчитывающей целых девятнадцать поколений. Но в последних четырех один за другим погибают наследники рода. Говорят, прокляли. Может, и сказки, но наследники на самом деле мрут как мухи. Никого из этого вымирающего семейства я не видела. Тадеуш сказал, что

они наши постоянные клиенты. Ему сегодня позвонили – и он как ошпаренный побежал к Ноэре, а после нас вызвали.

– Понятно, я буду проверять предметы искусства на наличие проклятий, призраков и прочей дряни, а ты…

– …оказывать юридическую поддержку, – хмуро отозвалась Ясмина, открыв дверь и поставив ногу на землю, но задержалась. – Честно говоря, думала, что лишь в случае, если ты вдруг, совершенно нечаянно, выявишь подделки и клиентам потребуется консультация для дальнейших действий, а теперь меня терзают смутные подозрения, что не все так просто…

– …а нас забыли предупредить. Как всегда! – закончила я.

Второй помощник начальника юридической службы мрачно констатировала:

– Сама знаешь, Тадеуш тоже менталист, и посильнее меня. Его не прочитаешь.

Мы вышли из машины, взяв свои портфели, и направились к массивным деревянным дверям, возле которых тихо беседовали двое… внуков. Ох, не нравится мне это!

Нас встретил дворецкий, или как здесь называют главу хозяйства, – благообразный, с виду невозмутимый и неестественно прямой, будто палку проглотил. В прохладном мраморном холле я сразу осмотрелась: множество тонких зеркал на стенах. Какая неосмотрительность со стороны богатых и известных! В одном из зеркал что-то мелькнуло, серое и стремительное, – у меня сердце застучало быстрее. Прикоснувшись к ближайшей зеркальной поверхности, я почувствовала легкую энергетическую дрожь: либо новое, либо здесь не случалось эмоциональных событий. И вдруг почувствовала чей-то взгляд, будто кто-то подсматривал за мной из серебристой глубины, – а через мгновение, поймав любопытные взгляды Ясмины и дворецкого, пожала плечами.

У подножия лестницы замерли еще двое мужчин в форме ВКС. Они с нескрываемым интересом уставились на нас и провожали удивленными взглядами, пока мы проходили мимо в сопровождении дворецкого.

– Посмотри незаметно, у меня тушь случайно не потекла? – шепнула Ясмина.

Убедившись, что у нее с лицом все в порядке, мотнула головой.

– А почему внуки на нас слишком удивленно пялились?

– Видимо, потому что две на редкость красивые девушки, да к тому же рыжие, посетили нашу печальную обитель, – неожиданно прозвучал насмешливый мужской голос.

В полутемном коридоре стоял, прислонившись к стене, молодой щеголь с пузатым коньячным бокалом в тонких пальцах. Глаза этого прилично, вернее, неприлично набравшегося алкоголем мужчины горели нездоровым огнем.

– Хозяин, – на старинный лад обратился к нему дворецкий, – дамы от господина Ноэре…

– Не называй меня хозяином! – вдруг испуганно взвизгнул мужчина. – Иржи старше меня, значит, он наследник!

Мы с Ясминой вздрогнули и переглянулись: впервые на моем веку так категорично от огромного наследства отказываются. Дворецкий благоразумно не отреагировал на пьяного психованного «нехозяина» и провел нас к двустворчатым высоким дверям, возле которых на мгновение замер, глубоко вдохнул, добавляя напряжения и таинственности, и широко распахнул створки, пропуская нас внутрь.

В большой гостиной на нас, рыжих и красивых, безмолвно уставились несколько мужчин и женщин. Вот так сюрприз – здесь мой сосед-ищейка, похожий на поджарую черную гончую! Заметив Ясмину и меня, он вскинул брови в немом удивлении. Должно быть, семейство в сборе и, вместе с представителями Внутреннего контроля, ожидало только нашего прихода.

– Госпожа Ясмина Лали и госпожа Эвелина Кыш из компании «Теренс и Крылов», – важно объявил дворецкий. Мы по очереди кивнули, указав, кто есть кто.

Пока нас представляли, я мельком осмотрела просторное помещение, вполне современно, шикарно и со вкусом обставленное. Мне нравится, когда, как здесь, органично сочетаются хорошо сохранившиеся старинные вещи и стильный, дорогой, штучного изготовления новодел. Ничего продавленного, изъеденного молью и временем. Мягкая, удобная на вид мебель так и манила отдохнуть в своих широких объятиях, погреться в кресле у старинного каменного камина, в котором можно целиком кабана запечь, присесть за небольшой карточный столик и сыграть партию-другую с партнерами. Антикварный деревянный буфет красного дерева с баром, где наверняка хранится алкоголь лучших марок. Несколько старых зеркал в бронзовых оправах отражают высокие напольные вазоны с цветами и картины всемирно известных художников.

От компактно устроившейся группы встревоженных родственников отделилась седоволосая пожилая женщина в черном платье, подошла к нам и натянуто улыбнулась:

– Анна Равартесс. Вас ввели в курс дела?

– Видимо, не совсем, – пришлось признаться Ясмине. – Нас очень просили поторопиться к вам.

– Неужели мы мало платим Ноэре? Мог бы прислать более компетентных туманников, а не двух девиц… тем более – рыжих, – гневно процедил с дивана еще один молодой выпивоха, как две капли воды похожий на встретившегося нам в коридоре.

Госпожа Равартесс напряженно обернулась и растерянно замолчала.

– Вы, видимо, господин Иржи Равартесс, тот самый первый наследник? – спокойно, доброжелательно поинтересовалась Ясмина, профессионально проявляя расположение к весьма непростому клиенту.

– Скорее, очередной смертник, – услышали мы за спиной. Оказалось, первый брат вернулся, хотя если младший, значит – второй.

– Может быть, мы перейдем к сути дела? – холодно предложила я. Только пьяной истерики не хватало.

– Простите мальчиков, – попросила Анна Равартесс. – После произошедшего вчера…

– Я Мартин Равартесс – кузен отца близнецов, – вмешался в разговор солидный мужчина. – Это я просил Ноэре о помощи.

– У нас больше никаких сил нет терпеть эти пытки. А после случившегося с Амелией…

Мартин остановил пожилую даму выразительным предупреждающим взглядом. Странно. Затем посмотрел на меня. Наверное, его предупредили о зеркальщике.

– Сто пятьдесят лет назад наш род прокляли, – продолжила родственница, послушно подкорректировав тему. – В семье родился одержимый. Нет, не маг, а просто… сумасшедший. Он прожил жизнь, творя насилие и жестокость, пока собственные дети не придушили его в собственной кровати…

– Лучше бы сожгли где-нибудь в другом месте…

– Лучше утопили в океане! Там бы его Голодный туман прибрал, – перебил брата близнец, и оба одновременно допили коньяк залпом.

– Заткнитесь оба! – рявкнул их дядюшка.

– Зато этот кошмар и после смерти не шастал бы по дому, когда скучает, – истерично завопил Иржи.

К нам подошел знакомый незнакомец и, протянув руку сначала мне, потом Ясмине, представился:

– Арджан Хловелесс. Старший следователь по особо важным делам Внутреннего контроля.

Законник с хрипловатым сексуальным баритоном произвел на подругу неизгладимое впечатление. Но выдали ее лишь горящие интересом карие глаза.

Ищейка, неохотно выпустив ладошку Ясмины, заявил:

– Времени мало, буду краток.

Наконец-то хоть кто-то приступил к сути дела, и я сосредоточилась, приготовившись слушать информацию.

– Мы вызвали зеркальщика с одной целью. Согласно показаниям членов семьи Равартесс, их покой беспокоит призрак. Где он обитает – в стенах дома, в зеркалах или картинах, непонятно. Медиумы, которых вызывали ранее, не смогли указать точное место. Парочка вообще сказала, что проклят весь дом.

– Последний посоветовал отказаться от всего поместья… в его пользу, – пьяно хохотнул Иржи с дивана. – И в принципе, я не против.

Арджан не обернулся в сторону пьяного болтуна. Лишь раздраженно сверкнул синими глазами – и в следующий миг цепким, каким-то препарирующим взглядом впился в меня:

– Вы можете проверить все предметы в доме и как-то определить, существует ли призрак? Откуда он берется? И главное – появлялся ли он в этой гостиной вчера!

– Почему именно вчера? – тоном «попробуй не сказать» уточнила Ясмина. – И почему этим делом занимается следователь по особо важным делам?

– Произошло… очень неприятное событие, и нам важно знать, виноват ли призрак или кто-то другой… – обтекаемо сообщил Мартин Равартесс.

– Чем больше подробностей, тем больше у нас шансов вам помочь, – настаивала подруга-юрист, кивнув на меня.

– У нас слишком мало времени на разговоры, – в голосе законника чувствовались стальные нотки. И явное нетерпение, и желание надавить.

– Господин Ноэре клятвенно заверил, что пришлет специалиста, который сможет решить нашу проблему. Должен решить! – повысил голос пожилой аристократ.

– Не волнуйтесь, господин Ноэре никогда не дает ложных надежд и обещаний. – Я выдавила скупую улыбку.

Картина прояснилась: начальство, откровенно опасаясь, что я откажусь, не посвятило меня полностью в суть дела, да и юриста тоже, по причине нашей дружбы, о которой в компании известно. Поэтому либо я всеми правдами и неправдами работаю на благо и репутацию «Теренс и Крылов», либо вылетаю за ворота с волчьим билетом. Грустно сознавать, что тебя использовали втемную и, чтобы не тратить времени на уговоры, просто поставили перед фактом.

Отбросив мрачные мысли, я спокойным, но не допускающим компромиссов тоном объявила:

– Уважаемые дамы и господа, прошу всех присесть, – указала на многочисленные диваны и кресла, – не вмешиваться в мою работу и не отвлекать. Если кто-то не способен вести себя достойно и спокойно, прошу выйти.

Все присутствующие с облегчением расселись, наверняка сгруппировавшись по родству или интересам. Ясмина тоже заняла кресло, а вот следователь – нет, но настаивать, чтобы и он сел, не стала. Ищейка не сможет остаться в стороне, раз уже напал на след.

Медленно, ни на что не отвлекаясь, я обошла помещение по периметру, остановившись в углу, где на стене, в самом неосвещенном месте, висел портрет мужчины во весь рост. В черном сюртуке, облегающих штанах и высоких сапогах этот, надо полагать, давно почивший Равартесс выглядит красавчиком. И импозантности ему добавляет ярко-рыжая шевелюра. Только вот взгляд карих глаз необычный – темный, дикий… одержимый. Не как у туманника-шелона, например, а, как говорят, с сумасшедшинкой.

Послав импульс дара сутевика, я коснулась кончиками пальцев богатой рамы картины – и чуть не обожглась от вала безумия и злобы. Затем, продолжая пребывать в легком трансе, ровным голосом как ни в чем не бывало поинтересовалась:

– Это он? Тот самый родственник?

Ответ я уже знала – картина буквально искрила напряжением. И не только портрет, но и тяжелое черненое старинное зеркало, висящее практически вплотную, образуя с картиной угол.

– Да! Не выкинули, чтобы все потомки помнили, что бывает, когда не ценишь семью, – проворчал пожилой дядюшка наследников.

Изображенный на портрете одержимый Равартесс, казалось, следил за мной в бессильной ярости, сверкая карими глазами. Но стоило посмотреть на картину, а не в зеркальное отражение, эффект слежки пропал.

Я завершила осмотр гостиной, а затем в течение часа ходила по множеству других помещений, добросовестно выполняя свою работу. И все время Арджан следовал за мной по пятам.

Вернувшись обратно, торжественно сообщила заскучавшим господам:

– Дух прячется в портрете.

– И выходит из него? – озадачился Арджан.

– Не совсем. – Я мотнула головой. – Понимаете, портрет – привязка к нашей реальности, именно он удерживает здесь душу. И «отпустить» ее не позволил бы.

– Но как же тогда призрак разгуливает по дому? – завопили в унисон близнецы.

Я широким жестом обвела пространство вокруг:

– Люди напрасно не задумываются, когда развешивают в своих домах столько зеркал. Да еще старинных, много повидавших и хранящих подчас слишком страшные тайны. Закрывают полки в библиотеках стеклом, натирают паркет и плитку до зеркального блеска. Отражения накапливают энергетику ваших эмоций, чувств, страстей. В буквальном смысле силы призрака подпитываете вы сами, его потомки, проживающие в доме. Призрак может бродить по дому с помощью отражений, а из портрета выходит с помощью вот этого зеркального портала, – я положила руку на старое бронзовое зеркало возле портрета. –

Полагаю, давным-давно его создал какой-нибудь экзорцист для работы с духами. А вы его рядом с проклятой картиной повесили…

– Выкинуть его к демонам, – взревел престарелый дядюшка близнецов. – И сжечь!

– Остановитесь, господа, – подняла я руку, предупреждая сиюминутный порыв измученных людей. – Я не поручусь, что ваш предок не спрятался в каком-нибудь зеркале в доме. Советую вызвать хорошего экзорциста, пусть сначала загонит дух в его портретную обитель, запечатает там. А уж потом предпримите кардинальные действия.

– А вы не сможете нам помочь? – аристократическое семейство дружно уставилось на меня.

– Нет, это не моя специализация. – Я быстро отказалась от сомнительной работы.

Наверное, Мартин Равартесс хотел попытаться заставить меня передумать, но вмешался Арджан:

– Господа, дамы, вы забыли о главной цели, из-за которой мы собрались. – Он посмотрел на меня и фактически приказал: – Нам важно точно, стопроцентно узнать, «выходил» ли вчера вечером или ночью призрак? Был ли он в этой комнате…

Я сверлила взглядом мрачного, но спокойно и уверенно смотревшего на меня Арджана, надеясь на подробности. Но он молча ждал, а в его ярких прищуренных глазах бушевало нетерпение мага-ищейки. Закусила губу, снова убеждая себя, что выбора нет. Глубоко вздохнула и вернулась сначала к портрету, но быстро передумала: лучше обычное зеркало, чем портал в иные миры или проклятая картина, источающая безумие и злобу. Снова скомандовала:

– Никому не двигаться с места и не отвлекать меня!

Потерла ладони и, приложив их к поверхности ближайшего к картине зеркала, запустила процесс считывания.

– Эва, подожди! – воскликнула было подруга, но Арджан тут же зашипел на нее, останавливая. Видимо, она сумела пробить его блок и прочла то, что благородное собрание скрыло от меня, по правде сказать, не столь опытного, как хотелось бы, зеркальщика.

Очень старый дом, слишком много таких же старых зеркал и стекла. Мой дар буквально взорвал окружающее пространство: серебристые капли брызнули в разные стороны, касаясь отражающих поверхностей, запуская «спектакль».

Сначала «ушли» мы с Ясминой, за нами – множество законников разных специализаций. После них, к моему ужасу, вынесли труп женщины, тонкая белая рука и рыжие волосы которой торчали из-под простыни. Потом удалились первые приехавшие внуки, вызванные хозяевами дома, суетилась прислуга. Затем мы увидели, как женщину обнаружили близнецы, наверное, вернувшиеся с какой-нибудь вечеринки. Я ощутила их ужас, боль и страдания, погибшая, как выяснилось, – их мать.

Картинки все исчезали и исчезали, помогая нам увидеть хронологию событий в обратном порядке, в комнате царило гробовое молчание и редкие всхлипы пьяных братьев. Теперь я не считала их пьянчужками. Вскоре мы увидели убийство. Красивая моложавая женщина в тонком жемчужного цвета шелковом халате стояла у бара и смешивала себе сок с алкоголем. Ее густые вьющиеся волосы рыжим каскадом ниспадали на спину. Она не видела, как серая полупрозрачная фигура неуклюже вывалилась из зеркала у портрета, а затем легко и бесшумно полетела к ней.

Призрачное лицо кривилось в улыбке маньяка в предвкушении забавы. Видимо, женщина ощутила чужое присутствие, потому что, испуганно вздрогнув, обернулась. Ее лицо исказила гримаса ужаса, а горло перехватило от страха – она хватала ртом воздух и не могла вымолвить ни слова. Только, с трудом переставляя ноги, отходила дальше от призрака. А он неотвратимо надвигался на нее, протягивая руки к горлу. И наслаждался ужасом своей жертвы, питался им.

Рукава в жемчужном шелке взметнулись вверх, словно крылья раненой птицы; мгновение – и женщина, коротко вскрикнув, полетела спиной назад, споткнулась о бортик каменного ограждения камина, защищающего паркет от искр.

Приглушенный всхлип близнецов совпал с моим, когда несчастная со всего маха ударилась головой о витую металлическую решетку дровницы. Погибшая сломанной куклой раскинулась на полу, ее волосы на макушке и виске и светлые сухие поленья быстро окрасились кровью.

Если другим очевидцам приходилось следовать за картинками, чтобы не потерять «нить повествования», то мой дар все приближал для меня, не упуская ни единой детали или мелочи. Показывая мне и «зрителям» короткие сценки событий, отматывая их назад, но собирая, словно пазлы, в единое целое. Закусив губу, я стояла у проклятого портрета и «смотрела», как сумасшедший призрак, сконцентрировав энергию на кончиках пальцев, аккуратно отвел рыжие пряди в стороны затем, чтобы обагрить кровью руку и провести по лицу покойницы, оставляя кровавые следы и закрывая мертвые глаза.

– Будь он трижды проклят, – прорычали близнецы в унисон.

Я не успела с ними согласиться – чьи-то ледяные пальцы сомкнулись на моей шее, стискивая так, что стало невозможно дышать. Успела обернуться: взбешенная сущность, веками терроризировавшая домочадцев, в чью вотчину я имела наглость явиться, смотрела на меня.

– Ты зря пришла, отмеченная демонами, – прозвучал потусторонний злобный шепот. – Это мой дом и мои игрушки…

Слишком много зеркал, слишком много эмоций настолько усилили призрака, что он словно обрел плоть. Я хрипела, хватаясь за ледяные руки, пытаясь разжать и чувствуя, что теряю сознание… крики, шум, гам – а затем горячая волна чьей-то магии врезалась в коварного домашнего обитателя, заставив его мгновенно выпустить меня из захвата.

Пока я судорожно хватала ртом воздух, согнувшись в три погибели, Арджан с другим законником отгоняли от меня духа-убийцу.

– К зеркалу гоните, только не к портальному! – прохрипела я.

Они послушались, но их сила таяла – потоки становились меньшей интенсивности. Нам повезло: последний слаженный энергетический удар – и призрак «нырнул» в зеркало. А в следующий миг в ярости рванул наружу, но к

делу подключилась я: сконцентрировавшись, сорвала щиты и ударила по наполовину вылезшему из зеркала духу, впаивая его обратно… В результате он застыл в виде отвратительного серебристого барельефа с перекошенным безумным лицом, раззявленным ртом и скрюченными пальцами, вцепившимися в бронзовую оправу.

Оба законника заметно дрожали, но не от страха, а от полного физического и магического истощения. А я опустошенно рухнула на колени – это какой же силой обладала злобная спятившая сущность, если деформировала материальный объект – покрытое амальгамой стекло, которое воспроизвело ее облик?!

– Эва, он оттуда больше не вылезет? – в страхе прохрипела Ясмина, поддерживая меня за плечи.

– Нет. Теперь нет. Я запечатала его дух там навечно… – удовлетворенно просипела я.

– Его надо вынести из дома и разбить на мелкие кусочки, – истерично заявила одна из женщин.

– Вы что?! – возмутилась моя прагматичная подруга и призвала «потерпевших» к «порядку»: – Только представьте, сколько теперь стоит это… зеркало… бывшее, с живым духом внутри.

– Надо продать его экзорцисту, – мстительно злобно поддержал ее Иржи. – На эксперименты!

Я передернулась, представив, что те «душегубы» могут вытворять с безумным призраком. Причем – вечность.

– Счет за дополнительные услуги наша компания пришлет вам в самое ближайшее время, – припечатала Ясмина с радостным оскалом.

Арджан, устало плюхнувшийся в кресло, смерил ее веселым, немного снисходительным, опекающим взглядом. Странный он.

Меня затошнило от слабости и головокружения.

– Пригласите своих внуков… э-э-э… коллег, господин следователь по особо важным делам. Надо нашего уважаемого выдохшегося зеркальщика в машину отнести, – распорядилась подруга.

И, пока мы ждали вызванную по рации подмогу, я тихонько прошептала ей на ухо:

– Руководство компании не расплатится с нами за этот визит!

– Конечно-конечно, оплатят в двойном размере, – хмыкнула практичная реалистка.

К моему тайному сожалению, и не только моему, но и Ясмины, особенно Ясмины, Арджан не спросил, как с нами связаться, когда провожал нас задумчивым взглядом от дверей злосчастного дворца.

Глава 6

Звон будильника разрезал уютную тишину раннего утра, заставив меня, лениво потянувшись, приоткрыть один глаз. Светлый газовый тюль слабо колыхается от ночного бриза, солнечный лучик мягко греет пятку. Моя первая ночь в собственном доме! Я невольно улыбнулась, хоть сегодня и начало рабочей недели, и вставать надо спозаранку. Эх, тяжела жизнь у поздних пташек. И все-таки настроение мне никто и ничто не испортит.

В минувшие выходные Ясмина помогала мне переехать, собрать и перевезти вещи из квартиры в дом и разложить все по местам. Благо за год я не успела обрасти ими в большом количестве. Затем мы приготовили поесть и отметили новоселье в садике за домом. Подружка нет-нет да с надеждой посматривала на соседний участок, на котором зеленел похожий на мой сад, отчасти скрывающий в листве большую металлическую жаровню для приготовления мяса на огне и длинный деревянный стол со скамьями вдоль него. Арджан домой не приходил! Видимо, занят очередным расследованием.

За избавление семейства Равартесс от призрака-убийцы мне выплатили отличные премиальные, как нельзя лучше позволившие оправиться от последствий потрясения и заодно пополнить изрядно похудевший счет в банке – домик в столице обошелся мне в кругленькую сумму. Но он стоит того!

Я бы еще с удовольствием повалялась, но глава компании распорядился явиться сегодня пораньше. Предстояла важная встреча с клиентами, прибывшими из другой страны. Надо так надо. Подошла к туалетному столику и сдвинула тюль, закрывающий зеркало.

– А могло бы быть и хуже, – сиплым со сна голосом оценила свое отражение, радуясь, что после вчерашнего пикника, затянувшегося за полночь, лицо не опухшее, не помятое и по-прежнему радует свежим здоровым цветом. Веснушки, увы, не исчезли никуда, но глаза не покраснели. Конечно, выпивохи из нас, в силу магической составляющей, никакие, зато мы от души налопались собственноручно приготовленной вкуснятины и даже песни пели.

Закрепив на макушке декоративной заколкой хвост и проверив застежки на шикарном красном бюстье, которое надела под темно-зеленый жакет, я снова закрыла зеркала – кому, как не зеркальщику, знать о мерах безопасности и позаботиться о приватности частной жизни. Капнула в ложбинку между грудями духами с мягким цветочным ароматом. Подхватила портфель и туфельки на шпильке. Осталось только позавтракать.

На улице никого, слишком рано и для любителей бега, и для владельцев собак, ведь еще и семи утра нет. Меня ждал новенький голубой автомобильчик, напоминающий круглыми «дутыми» формами жука. Глядя на него, я расплылась в довольной улыбке – выбрала «железную лошадку» вопреки ворчанию Ясмины, мол, слишком круглый и разгоняется долго. Зато в нем встроена удобная техническая новинка – радиотелефон.

Раньше подобные средства связи устанавливали только в служебный транспорт медиков, законников, больших чиновников и руководителей, а сейчас заводят все кому не лень, если средства позволяют купить недешевую, но нужную «игрушку». Мне позволяют. И поэтому, положив портфель на пассажирское сиденье и усевшись на водительское, я самодовольно окинула взглядом телефонную панель. Честно признаться, звонить мне особенно некому, но сама возможность быть на связи добавляет ощущения нужности и скрадывает чувство одиночества.

Открыла окно, впуская утреннюю свежесть в салон, разгоняя застоявшийся воздух с еще не выветрившимся запахом внутренней отделки, и достала из кармана ключи. И в этот момент до сих пор молчавшая «игрушка» затрезвонила на полную катушку. Я вздрогнула и выронила ключ, тут же юркнувший в щель между коробкой передач и пассажирским сиденьем.

– Слушаю! – рявкнула я, подключая связь, мысленно ругая всех призраков, после неудачной встречи с которыми от обычного телефонного звонка дергаешься.

– Доброе утро, подруга, – объявил хриплый сонный голос Ясмины.

– Бог ты мой, тебе-то что не спится? – удивилась я, пытаясь вытащить ключ из ловушки.

– Ха, думаешь, Ноэре сказал явиться в офис ни свет ни заря только тебе? Там полконторы скоро кофе начнут взбодряться перед приемом дорогих гостей.

Я хмыкнула:

– Как приятно, что не только одна я в понедельник вынуждена в такую рань вставать.

Последовало завывание-зевок и вопрос:

– Ты там моего красавчика не видела? Не приехал еще?

– Ночью я спала, знаешь ли, а сейчас вокруг, ты не поверишь, сонное царство, ни единой души, странно, да? – с иронией ответила я. – Вот зараза…

– Что там у тебя? – оживилась Ясмина, услышав мое раздраженное пыхтение.

– Напугала ты меня своим звонком, вот я ключи и уронила. А тут все такое… не подлезть… никак… Подожди, я со стороны пассажирского попробую.

– Какое-то у тебя утро – совершенно неромантическое, – поддела она и мечтательно, с придыханием продолжила: – А завела бы себе мужчину – и было

бы оно совершенно иным.

Я вылезла из машины, хлопнув дверью, таким образом продемонстрировав собеседнице собственное мнение по данному вопросу, но она лишь фыркнула насмешливо:

– Да-да, молчание – знак согласия, тебе давно пора завести мужика!

Громкость телефона еще в автомагазине на полную шкалу выставили, когда показывали начинку машины, поэтому из открытого окна Ясмину было отлично слышно. А уж когда я открыла пассажирскую дверь, ее добросердечное пожелание вполне могла услышать вся улица.

– Дорогая, ты там собираешься на работу или решила сначала мне лекцию прочитать?

Я оперлась коленями о порог авто и наклонилась над сиденьем с протянутой рукой в попытке номер два извлечь ключ.

Пыхтя от натуги, пропихивая пальцы в узкое пространство, я не слушала Ясмину. Коснулась колечка от ключей, но рука застряла. Я сместилась вниз, встав коленками на землю, и едва не легла на пол автомобиля, когда до меня донесся ее удивленный голос:

– Ты чем там занимаешься, Эва? Ты так загадочно стонешь и пыхтишь, что у посторонних могут возникнуть пошлые мысли…

– Ы-ы-ы… – выдохнула я в отчаянии. – Я застряла, представляешь?!

– В каком смысле – застряла?

– В прямом! Руку заело… наверное, рукав зацепился…

Я подергала руку – без толку. Затем потянула второй рукой рукав, еще раз, а в третий, психанув, сильно дернула – раздался звук треснувшей ткани, на плече.

– Что там у тебя трещит? – принимала активное участие в моем злоключении подруга.

– Жизнь! – рявкнула я. – И рукав жакета оторвался, елки-палки.

– Так сними и попробуй выдернуть его, а потом и руку, – внесла «дельное» предложение Ясмина, вряд ли представлявшая, как я тут раскорячилась.

– У меня под жакетом только бюстье, боюсь, соседи не оценят стриптиз посреди улицы.

– О, я уверена, обязательно оценят. Но ты можешь расслабиться: в полседьмого мало кто из дома выходит. Они же не работают в «Теренс и Крылов». Помнится, машину ты поставила у ворот и, как обычно, криво. Значит, с улицы тебя прикрывает зад автомобиля и соседские кустики.

– Если меня посчитают нарушительницей общественных нравов, во всем будешь виновата ты! – проворчала я, как змея из кожи, выворачиваясь под немыслимыми углами из жакета.

Откинув мешающийся хвост за спину, я поправила белье, а то чуть грудь не вывалилась от усердия. Только бы никто не увидел, как я тут в красном кружевном бюстье, застегивающемся спереди и плотно облегающем тело до талии, «развлекаюсь». Узкую юбку тоже пришлось немного задрать, чтобы не мешалась, в результате еще и бежевые кружевные резинки от чулок выставила на обозрение. Полное бесстыдство!

– Эва, не переживай, да кто тебя извращенкой-то сочтет? Ты что? У тебя же на лбу крупными буквами написано: «Не подходи, а то заморозит!»

– А сейчас я полуголая и изогнулась неприлично, – поддразнила я. – Поэтому надпись на лбу вряд ли кто разглядит.

– Ладно, потренируйся на мне, а потом брутальному самцу, который должным образом оценит твое положение, расскажешь или лучше покажешь.

– Спасибо, я как-нибудь обойдусь, вот вытащу рукав этот, призраками проклятый…

Я пыхтела все отчаянней, но ткань застряла основательно, а моя рука, зажатая между сиденьем и стойкой, начала терять чувствительность.

– Эва, сколько можно уже мужчин избегать? А? – в отчаянье завопила Ясмина, будто в данный момент поговорить больше не о чем. – Ну не повезло тебе один раз, встретила морального урода, неужели теперь всех под одну гребенку равнять?

– Ты права, очень не повезло. Так не повезло, что три дня в коме провалялась, с трудом выжила, – выдохнула я зло, но не на подругу, с которой мы «сражаемся» на эту тему не впервой, а на обстоятельства.

– Послушай, снаряд в одну воронку дважды не попадает, – привела она «коронный» довод. – Да, твой первый мужчина оказался садистом, но нельзя же себя из-за этого хоронить? Отталкивать всех, кто по-настоящему в тебе заинтересован.

– Уж не о своем ли начальстве печешься? – ехидно осведомилась я.

– О, к тебе Тадеуш до сих пор мосты наводит? – завопила добровольная «сводня». – Ну ты посмотри, вот и герой будущего романа нашелся.

– Смотрю. А не слишком ли ты к нему снисходительна? Женатый мужчина, который пытается ухаживать за другой женщиной, – не герой.

– Ему простительно – начал разводиться. Правда, даже с такой женой, как у него, имущество и детей делить придется долго и нудно.

– Некрасивая ситуация, – посочувствовала я начальнику юридического отдела.

– Эва, вы почти идеальная пара. Мужчина с высоким положением в обществе, которому не повезло в первом браке, потому что жена изменяла и злоупотребляла алкоголем…

– Ты сейчас перед судебным заседанием решила речь отрепетировать? – хихикнула я, порядком вымотавшись дергать затекшей рукой.

– Да послушай меня! Он как узнает, что у тебя был только один мужчина, секс с которым ты даже не помнишь, а после пять лет вообще без интимных отношений…

– Ясмина, я тебе язык вырву, если ты хоть кому-то намекнешь! – рыкнула я, приподнимаясь и становясь на четвереньки, чтобы дотянуться до динамика телефона.

– Эва, если наши мужчины пронюхают, что такая красотка хранит себя для гипотетического любимого, замучаешься отбиваться от предложений выйти замуж.

– Все, хватит болтать! Если я через пять минут не освобожусь сама, тебе придется срочно ехать ко мне, – взвыла я от отчаяния. – Иначе опоздаю на работу, и меня уволят. А автомобильный плен вряд ли сочтут достаточным основанием для оправдания. Твой шеф меня не интересует. Совсем! И знаешь, я без обнародования подробностей своей отсутствующей интимной жизни найду себе достойного мужчину. И вообще…

– Ладно-ладно, ты чего разнервничалась, – озадачилась Ясмина. – Сейчас допью кофе и оденусь. Перезвоню перед выездом.

– Твой кофе пахнет даже здесь, – устало выдохнула я, обессиленно уткнувшись лицом в сиденье, на самом деле чувствуя запах этого чудесного напитка. – Поторопись, а?!

Ясмина отключилась, а я снова забилась в отчаянной попытке вырвать руку из тисков собственного коварного автомобиля, будь он неладен, уже не против содрать кожу на запястье, но освободиться.

– Девушка, может быть, вам помочь? – раздался глубокий грудной мужской голос, буквально прошивший меня от макушки до кончиков пальцев, – слишком низкий, чуть грубоватый, чересчур мужественный.

Я сперва застыла от неожиданности, затем медленно повернула голову. Восходящее солнце немного слепило, но не мешало рассматривать рослого мужчину с массивной атлетической фигурой, одетого в белую офисную рубашку с двумя верхними расстегнутыми пуговицами, черные классические брюки и туфли. Еще я словно со стороны видела, как стою коленями на асфальте, локтем упираясь в резиновый коврик у пассажирского сиденья. Задом к огромному незнакомцу, который возвышается надо мной.

– Э-э-э… я ключи уронила… простите…

Ситуация – нелепей не бывает.

Мужчина легко и плавно опустился позади меня на колени и все равно оказался слишком большим. Слишком сильным, широкоплечим, мускулистым и опасным. И невероятным!

Загорелый брюнет с глубокими, полночно-черными глазами в обрамлении пушистых ресниц, чуть более густыми, чтобы быть идеальными, бровями. Высокий лоб пересекают тонкие морщинки. Прямой нос «уточкой», высокие скулы и твердая линия подбородка добавляют его лицу мужественности. Не красавчик, но из той породы мужчин, на которых женщины реагируют самой своей женской сутью.

Вот и я замерла в весьма двусмысленной позе, нагнувшись и одновременно в немом удивлении таращась на незнакомца. А когда обратила внимание на его виски, у меня глаза, наверное, из орбит вылезли, – шелон! Мало того, не цветной вьюнок, а абсолютно черный, как и глаза.

– Не волнуйтесь, девушка, я Доминик Ресс, а вы моя новая соседка, верно?!

Заторможенно соображая, будучи под впечатлением от мужчины, я просипела:

– А мы думали, что моего соседа зовут Арджан Хловелесс… и он ищейка…

– Мы? – шелон с красивым именем слегка улыбнулся, обнажив белые крепкие зубы.

– Да, мы с подругой Ясминой, – лепетала я, – видели его здесь месяц назад, когда дом покупали. Он собирал вещи… в вашей спальне.

Густые черные брови Доминика сошлись на переносице – неужели я сообщила нечто неприятное? Спустя несколько мгновений он улыбнулся:

– Да-да, вспомнил, я срочно уезжал и попросил друга – Арджана – привезти мне вещи.

– Ясно, – кивнула я, а мой красный хвост сполз вперед и упал на коврик в машине.

– У вас там рука застряла? – Доминик осторожно придвинулся почти вплотную к моим… ягодицам.

– Ключи упали, – хрипло пояснила я. – Туда рука пролезла, а обратно – нет. И я, кажется, ее уже не чувствую.

– Нам придется поменять вашу позицию, – спокойно произнес шелон и, не дожидаясь моего согласия или ответа, навис сверху, просунул мне под живот ладонь, приподнимая немного, вызвав толпу мурашек, а второй рукой помог перевернуться на спину.

Теперь я стояла на коленях, прогибаясь в спине назад и опираясь на его ладонь. А он нависал надо мной, зажав мои ноги бедрами. Мы оказались прижатыми друг к другу так тесно, что я ощутила его горячее тело, твердое и мускулистое, приятный аромат парфюма и слегка уловимый его собственный запах. Рубашка на обнявшем меня мужчине была свежей как минимум день назад. Видимо, только что вернулся домой и не успел переодеться. Ощутив его дыхание, я почувствовала аромат кофе. Еще приятно удивилась, насколько он хорошо контролирует свои и мои телодвижения: явно опасается навредить мне, сделать больно.

– Вас зовут Эва? – уточнил Доминик Ресс.

– Эвелина Кыш, да, – севшим голосом ответила я, ощущая, как лицо и шею заливает краской стыда и смущения. Ведь я почувствовала запах кофе, когда…

И он знает мое короткое имя… – Вы слышали мой разговор с подругой?

– Эвелина, обнимите меня за шею и крепко держитесь, мне нужно освободить две руки, а вам лечь на пол, – вместо ответа приказал он, правда, спустя мгновение с мягкой улыбкой добавил: – Да, простите, я нечаянно услышал ваш разговор. Приехал с работы, хотел на воздухе выпить кофе и насладиться покоем, пока все еще спят, а тут – вы…

– Ясно, – шепнула я. Но выхода не было, и так заклинило в глупейшей ситуации, поэтому робко, неуверенно подняла свободную руку и, скользнув ладонью по его широким плечам, обняла за шею. Коснулась коротко стриженных волос…

– Крепче держись… держитесь, – теперь у него голос сел.

Он прижал меня к груди и наклонился, укладывая на порожек и коврик. Я еще сильнее выгнулась, глубоко вдохнула и чуть не поперхнулась, сообразив, что еще один такой вдох-выдох – и моя грудь полностью выскочит из бюстье.

– У вас шикарное белье, – то ли отпустил комплимент, то ли усмехнулся Доминик, с трудом отводя взгляд от выставленной ему под нос моей полной груди.

Пока я соображала, что бы такого ответить, мужчина, крепче притиснув меня, сильной широкой рукой скользнул вдоль моей спины, а головой лег на локоть попавшей в плен руки и занялся ее освобождением. Совершенно неожиданно я наслаждалась новыми ощущениями. Тайком потрогала его волосы – густые и шелковистые. Осторожно принюхивалась – какой запах будоражащий. И массивное тело, притиснутое к моему… Становилось жарко, спина затекла, я поерзала, потершись грудью и бедрами по его груди и паху. Доминик рвано выдохнул, но не сказал ни слова, зато я ощутила, что не оставила его равнодушным. Твердая мужская плоть уперлась мне в живот.

Я замерла ни жива ни мертва, а мой спасатель с силой рванул кресло на себя и наконец-то освободил мне руку, затем осторожно, аккуратно взял в свою. Кисть тут же закололо миллионами иголок, я зашипела от боли, в то время как Доминик, так же бережно обняв меня, помог выпрямиться.

Сначала мы стояли на коленях друг против друга, плотно прижавшись бедрами, и рассматривали мою посиневшую кисть с содранной на запястье кожей. Затем Доминик мягко размял пострадавшую руку, а дальше мы замерли. Он держал мою ладошку в одной руке, а другой придерживал за талию и смотрел на вызывающе соблазнительно выпирающую из красного кружева грудь. Обласкал взглядом мою шею, подбородок и замер на губах, облизал свои губы, окончательно смутив меня, посмотрел на мои волосы. Заглянул в глаза… Ох, какие же у него черные завораживающие глаза… В них утонуть можно!

– Вы свободны.

От его хриплого грудного голоса у меня внутри что-то дрогнуло и понеслось горячим потоком по венам.

– Что? – Я моргнула, выпадая из транса. – Ах да… спасибо…

Лицо и шея вновь запылали, но уже с невероятной силой. Я отвела взгляд от, кажется, всепонимающих полночных глаз и пролепетала:

– Я… можно я встану…

Доминик с поразительной легкостью поднялся и помог встать мне. Даже в туфлях на шпильках я дышала ему в грудь и сама себе показалась рядом с ним хрупкой и мелкой, хотя считаюсь среднего роста и не худой.

Стыдливо прикрывшись одеждой, неуверенно улыбнувшись, я развернулась и хотела по-детски сбежать.

– Эва!

Замерла на полдороге, прижимая к груди драный жакет. Медленно обернулась.

– Ключи и сумку забери. Их лучше не оставлять в машине даже рядом с домом. – Доминик протянул мне и то и другое и захлопнул дверь.

– Спасибо, – сипло шепнула я и вздрогнула, ощутив разряд от соприкосновения с его ладонью.

Быть может, наша магия знакомилась, когда мы коснулись руками?

Сграбастав ключи и сумку, вжав голову в плечи, я поспешила домой. В дверях не смогла не обернуться и увидела шелона на том же месте. Склонив голову набок, он с нескрываемым интересом следил за мной.

«Попалась!» – прошила голову «мудрая» мысль.

Глава 7

Вечерний город за прозрачной стеной кабинета сияет огнями… Знакомый будоражащий аромат парфюма и терпкий, едва уловимый запах мужского пота окутывают меня, словно мягким уютным пледом, – шелон подошел неслышно, но на стекле отражается его мощная фигура позади моей и горящие полночные глаза. Наливаются тьмой вьюнки на его висках – пугающие знаки одержимости, но в то же время возбуждающие из-за скрытой в них силы.

Мужские руки легли мне на плечи, слегка стиснули, давая почувствовать их тяжесть и мощь, словно шелон проверял меня на крепость: справлюсь ли с его страстью. Затем ладони скользнули вниз по моим обнаженным рукам, оставляя горячий след, пробуждая доселе незнакомое желание… слияния тел.

Наши пальцы переплелись, я невольно опустила голову и посмотрела на соединенные руки. Мои маленькие нежные ладони в его больших выглядят так правильно, доверчиво…

Теплое дыхание коснулось сначала макушки, потом, чуть прихватывая кожу губами, мужчина целовал мое ушко, шею, плечо…

Я содрогнулась от желания, а он решил, что хватит игр. Его ладони снова скользнули вверх, обхватывая и приподнимая мою грудь, слегка сжимая, массируя, прижимая меня к своей груди. Я откинула голову ему на плечо и чуть отклонила в сторону, предлагая снова коснуться губами моей, оказывается, такой чувствительной шеи.

Но мужчина поступил по-другому! Положил ладонь мне на шею, странно, но я впервые не испугалась, доверилась ему полностью. Наверное, потому что помнила, с какой заботой, граничащей с нежностью, он освобождал меня из дурацкого автоплена. Длинные пальцы легли на мой подбородок, приподняли. Я обернулась, подчинилась, с каким-то внутренним облегчением и радостью отдавая ему контроль над ситуацией и ожидая поцелуя. Наконец, теплые губы легонько коснулись моих, помогая расслабиться, приоткрыться. Легкие, невесомые касания – мужчина не спешил. А мне так хочется полноценного единения, ведь тело уже горит от желания. Я умоляюще выдохнула:

– Доминик…

– Эвелина Андреевна! – звонкий голос вырвал меня из дремы.

Резко подняв голову со скрещенных на столе рук, я сразу не сообразила, где явь, а где мои тайные желания. Мгновение-другое… Кабинет заливает мягкий утренний свет. А мужчины нет. Вместо него девушка, мой секретарь Милен.

Я в замешательстве пролепетала:

– Да! Что?! Э-э-э…

Спать на рабочем месте мне еще не доводилось. Кто ж знал, что вчерашняя встреча с соседом произведет на меня неизгладимое впечатление: всю ночь промучилась от бессонницы, а теперь грежу им наяву.

– Эвелина Андреевна, – Милен стушевалась, бедняжка, не поняв, в чем дело, – охрана сообщила, старший следователь по особо важным делам Внутреннего контроля Арджан Хловелесс просит вас принять его.

– А-а-а… я знакома с ним, – рассеянно кивнула, приходя, наконец, в себя. Вслед за пробуждением накрыло любопытство: что этому следователю и другу мужчины из моих грез понадобилось, даже на работу ко мне явился? – Пусть пропустят.

Секретарь кивнула и вышла, а я крутанулась в кресле к стеклу и посмотрела на свое отражение. Благо защищающая от солнца тонировка позволяет прекрасно

себя рассмотреть. Безупречный деловой вид: забранные в хвост волосы, дорогой костюм, туфли на шпильках. Лишь оставшийся на лбу след от руки нарушил общую идеальную картину. Потерла его, поморщившись, окинула взглядом кабинет и встала из-за стола.

Через пару минут дверь вновь отворилась, и ко мне уверенным стремительным шагом вошел Арджан Хловелесс. Вкрадчиво, с кривой улыбкой поздоровался:

– Доброе утро, госпожа Кыш, рад видеть вас в добром здравии.

– Доброе, господин Хловелесс. Надеюсь, вас оно тоже порадует чем-нибудь хорошим, – осторожно ответила я, слегка улыбнувшись, и указала на двухместный мягкий диван и два кресла вокруг столика. – Присядете или вы ненадолго?

– Все будет зависеть от вас, уважаемая Эва…

– Эвелина Андреевна.

– Как вы себя чувствуете после истории с призраком? – издалека начал Арджан, усаживаясь в кресло. И вроде спокоен внешне, но напряжение чувствовалось.

– Неплохо, благодарю. – Я не горела желанием обсуждать некоторые темы. – А ваше?

– Может быть, кофе? – предложила секретарь, откровенно маясь от неизвестности в дверях.

Но одержимый туманник мотнул головой, отказываясь, – ему не до кофе, интересует что-то важное. Как только секретарь закрыла дверь, он подался ко мне всем телом, посмотрел в лицо и попытался поймать взгляд:

– Я уже в курсе, что вы категорически отказываетесь брать дела, где замешаны убийства. Почему?

– Вы пришли сюда, чтобы задать этот вопрос?

– Нет, но ответ мне нужен, чтобы задать следующий. – Ищейка, не меняя позы, по-прежнему сверлил меня глазами.

Ему явно неймется – вот-вот подведет меня к своей, несомненно, большой, важной проблеме. А не послать ли этого туманника, вежливо, или все же продолжить разговор? Ссориться с влиятельным законником? Жизнь длинная, и плевать в колодец, из которого, в силу специфики моей профессии, вероятно, еще не раз придется напиться, – глупо. Поэтому решилась пойти на абсолютную честность. Может, поймет и отстанет?

– Понимаете, господин Хловелесс…

– Вам можно просто Арджан.

– Почему именно мне? – насторожилась я. Неужели в ухажеры набивается?

– Во-первых, надеюсь на сотрудничество, во-вторых, я уверен, мы будем встречаться – по соседству с вами живет один из моих малочисленных друзей.

У меня щеки потеплели от смущения. Синие глаза напротив тут же сверкнули и прищурились – друг соседа все отметил, хорошо, что комментировать не стал.

– Гос… Арджан, давайте, чтобы больше не поднимать эту тему и не отнимать ни мое, ни ваше время, объяснимся раз и навсегда. Скажите, что вам известно о магии сутевиков и зеркальщиков?

– Слишком мало. А жаль! Вас, таких, очень мало, можно сказать, на вес золота.

Я кивнула, соглашаясь. Действительно – носителю этой магии приходится сложно, прежде всего, эмоционально. Поэтому мне было важно пояснить все верно:

– Магия сути отчасти элементарная: послал простой «запрос», получил такой же безликий сухой ответ – и все. Так происходит в большинстве случаев, хотя и тут есть исключения. А вот магия отражений – сложная, заставляет «ответ» пропускать через себя, через свою суть. Ты слышишь, видишь, чувствуешь, ощущаешь. Вспомните, как вам пришлось следовать за видениями, чтобы

увидеть события, произошедшие в гостиной у Равартессов. А я фактически погружаюсь в них, вижу процесс как бы изнутри до мельчайших подробностей. Теперь представьте – легко ли зеркальщику пропускать через себя кровавые преступления? Становиться их невольным участником?..

– Я понимаю, но…

– Ничего вы не понимаете! – Меня раздражали одни и те же фразы законников по разным берегам Великого океана. Как им в полной мере понять, что чувствуешь в такой момент?! – Я не принимаю алкоголь, потому что, один раз перебрав, вляпалась с опущенными щитами в жуткое убийство. Несколько лет прошло, а меня до сих пор кошмары мучают. Нормальная человеческая психика подобных зверств долго не выдержит. А я нормальный человек и хочу жить, не пугаясь любой тени или шороха, мне и так хватило… – и осеклась, мысленно ругнувшись. В запале чуть Лунева не помянула.

Арджан молчал, разглядывая свои сжатые в кулаки руки. Но на его счет я не заблуждалась: ищейка в таком же плену своей магии, как и я своей.

Не поднимая глаз, он заговорил глухим голосом:

– Вы слышали, что в столице орудует маньяк? – Я кивнула. – Он охотится на рыжих молодых женщин и убивает с особой жестокостью. У Равартессов мы хотели исключить именно его из подозреваемых. Погибшая была рыжей, посторонних никто не видел. Конечно, выдвигалась версия, что Амелия Равартесс – очередная жертва Любителя Красного, но вы ее успешно опровергли.

Я неосознанно потерла шею, вспомнив, насколько «успешно опровергала».

Арджан увидел, даже поморщился, но продолжал настаивать:

– Сегодня утром обнаружили очередное… тело. И сейчас лично у меня нет ни одного сомнения – кто убийца.

– Нет. – Я замотала головой, отодвигаясь от мужчины. – Нет и еще раз нет.

– Послушайте, Эвелина… – отчество в обращении ко мне он упорно игнорировал.

– Нет, ясно вам?! Я больше чем уверена, у следователей вашего уровня не может не быть своего зеркальщика, тем более в столице орудует маньяк. У вас наверняка сформирована специальная группа.

Синие глаза вновь хмуро уставились на меня.

– Вы сами туманница, Эвелина, и знаете, что распределение магически одаренных людей в мире не равномерное. В Северном преобладают «умники», если вас можно так назвать: менталисты, медиумы, иллюзионисты, телекинетики. Особенно это касается зеркальщиков. Южный больше одарен «физиками»: артефакторами, ведьмаками, экзорцистами, ищейками и шелонами.

– Я уверена, что…

– У нас в каждом крупном подразделении работают ищейки. Служба внешней безопасности полностью укомплектована шелонами, которые охраняют границы Севаша от террористов с островных государств, анархистов или приверженцев магии Хаоса. Вы же проходили таможенный контроль, когда прилетели в Севаш?

– Да, – еще не понимая, куда он ведет, согласилась я.

– Наверное, посчитали, что досмотр был формальным, работают наши спустя рукава?

– Э-э-э… ну-у-у…

– На самом деле действуют сильные артефакты – мышь не проскочит без должного магического досмотра.

– Ого, – признала я.

– Так вот, о грустном, – едва заметно усмехнулся Арджан, – сутевики у нас есть, работают, правда, чаще во Внешней безопасности, но во Внутреннем контроле столицы тоже есть. В случае необходимости их перекидывают на более важные дела. А вот с зеркальщиками трудно. Ваш дар в основном наследуют женщины, а

они, как и вы, не стремятся служить в правоохранительных структурах. Крупные богатые компании отслеживают зеркальщиков еще на стадии обучения и быстро сманивают к себе, защищая юридически. Нам достаются лишь крохи со слабыми способностями. Проблема государственного масштаба, конечно, но Голодному туману претензий за распределение даров не предъявишь. И заявку на сильного зеркальщика не подашь.

– Я слышала о чем-то подобном, но не знала, что моя специализация на Южном настолько редкая, – нахмурилась я.

Теперь понятно, почему Шорта Михайлович смеялся, когда я по наивности опасалась, что меня уволят за намерение уйти к конкурентам. А еще – почему быстро получила повышение и личный кабинет.

– Возвращаясь к нашей проблеме, у нас служит зеркальщик, но этот его дар средний. Он сильный сутевик. В большей степени видит суть людей, а не вещей.

– Ему бы в судебные психологи, – заметила я уважительно.

Арджан усмехнулся:

– Именно эту должность он и занимает. Раньше он вполне справлялся с задачей со своим уровнем дара зеркальщика и преступников поймал немало. Но этот зверь – Любитель Красного – иллюзионист, потому что туманной дымкой отражается…

– В любом случае зеркальщик у вас имеется, и я не понимаю, зачем вам другой?

– Как только сегодня обнаружили новую жертву, я приказал законсервировать место преступления. И никого не пускать!

– Зачем? – насторожилась я, чувствуя, как в животе растет ледяной ком, догадываясь, что будет дальше.

– Лайл посоветовал уговорить вас. Он в состоянии считать информацию сам, но чаще обрывочно и не особенно четко. А если запустит процесс, то закономерно «опустошит» зеркала и повторить будет невозможно.

Я мотнула головой и категорически отказалась:

– Нет, я не хочу в это влезать!

Но Арджан словно не слышал, упорно давил:

– Лайл видел съемку вашей работы у Равартессов, он настаивает, чтобы в этот раз попробовали вы. Такой шанс – «чистое» место преступления. Никто магический фон не сбивал, посторонних не было…

– Арджан, послушайте, я не могу! – фактически попросила я, вставая с кресла.

Он тоже поднялся и шагнул ко мне, строго заявляя:

– Можете! Просто не хотите утруждать себя! А сегодня, чтобы вы знали, погибла седьмая женщина. Я даже врагу не пожелаю подобной смерти…

– Тем более, – содрогнулась я, представив, что можно увидеть на месте преступления.

Арджан резко поднял руку, а я рефлекторно закрыла ладонями лицо и отшатнулась – несколько часов истязаний Луневым никогда не изжить из памяти тела.

Оказалось, мой собеседник хотел убрать мешавшую черную прядь со лба, да так и застыл, опешив, разглядывая меня.

– Простите. – Я выпрямилась, избегая смотреть во все понимающие глаза.

– Это осталось в прошлом или все еще преследует вас?

– В прошлом, – призналась, потому что все равно не отстанет. Ищейки не переносят секретов или тайн.

Я попыталась отойти от него, но Хловелесс, мягко перехватив меня за локоть, остановил:

– Помогите нам, Эвелина, я лично заплачу вам за услуги…

– Даже у следователя вашего ранга не хватит денег оплатить мои услуги. – Я вырвала локоть из захвата.

– Маньяк убивает рыжих! Ваши волосы похожи на кровь. Если он хоть раз увидит вас, тоже будете на прицеле. Неужели вам самой не страшно? Не хочется, чтобы этот монстр исчез с улиц Солары?!

– Хочется, но помочь вам ничем не могу. У вас есть свой зеркальщик и целая команда спецов.

Арджан отчетливо скрипнул зубами:

– Хорошо, вы не боитесь за себя, а если следующей жертвой станет ваша подруга? Или кто-то близкий, родной?

Перед глазами тут же всплыло лицо Ясмины, такое солнечное, живое, яркое. А ведь она любит ходить по магазинам, кафешкам и бегает вечерами в парке. А что, если и правда этот Любитель Красного увидит мою подругу?

Громко сглотнув, я почти просипела, выдавливая из себя:

– Хорошо, я согласна. Но только один раз.

В этот момент дверь без стука открылась. Влетевшая в кабинет Ясмина на миг замерла, не ожидая увидеть нас с Арджаном стоящими почти вплотную друг к другу, да еще на эмоциях.

Карие глаза туманницы-менталистки сверкнули в момент применения дара, затем она подобно хищнице начала приближаться к нам, вперившись в ищейку:

– Ну и на что еще вы ее подбиваете?

– Мы уже согласовали с Эвелиной все вопросы, – заявил Арджан, вернув себе и прежний апломб, и непоколебимое спокойствие.

Самое интересное, что циничный расчетливый взгляд сменился горящим неприкрытым вожделением, причем до такой степени, что был бы осязаемым – и серое «деловое» облегающее платье моей подруги разлетелось бы в клочья. Удивила и сама Ясмина, которая стушевалась под мужским взглядом, но ее глаза сияли – значит, менталистка легко прочитала нескромные мысли ищейки, вон как покраснела. Ого, и даже вспотела немного.

Подруга с трудом перевела взгляд с Арджана на меня и строго потребовала:

– Что он хочет от тебя? Нового расследования?

– Поучаствовать в поиске маньяка. – Я демонстративно равнодушно пожала плечами.

– Еще одно убийство? – Глаза Ясмины широко распахнулись.

– Это секретная информация! – строго уведомил нас следователь по особо важным делам.

– Она не будет в этом участвовать!

– Послушайте, красивая вы моя…

– Не ваша! – холодно отрезала Ясмина, задрав подбородок. – Вы не представляете, через что прошла Эва. Вы не можете заставить ее вновь…

– Ясмина, – шикнула я.

– Я почти тридцать лет Ясмина! Ты забыла: я менталист. Когда зашла, здесь прямо туманом висел твой ужас. Не пытайся меня обмануть, ты не горишь желанием вспоминать, как тебя по частям собирали. Ты уверена, что после встречи с очередным маньяком сохранишь разум? Или не догадываешься, почему на таких, как ты, высокий спрос у внуков? Через несколько лет работы с ними большинство зеркальщиков становятся инвалидами.

– Я обещаю: только один раз! – неожиданно устало попросил Арджан. – Нам нужна хотя бы одна зацепка, а пока – только рассеивающийся след этого

монстра. Мои спецы уже между собой поговаривают, что он продал душу Голодному туману за свою удачу.

Ясмина протестующе качала головой, призывая меня отказаться, но ищейка прав: трястись за себя и подругу, каждый раз выходя на улицу или даже сидя дома…

– Это добровольная помощь Внутреннему контролю, поэтому, если меня спросят, скажи, я…

– В музее, – грустно усмехнулась Ясмина. – Будь осторожна, дорогая.

* * *

У главного входа в здание нас ждал автомобиль с опознавательными знаками ВКС и двое внуков в форме, с жадным интересом уставившихся на меня, увидев в компании с Арджаном. Рассматривали с чисто мужским восхищением в глазах, что, увы, нисколько не радовало.

Возле дома, где произошло преступление, я с облегчением отметила отсутствие прессы и никакой суеты, магнитом притягивающей зевак, но на всякий случай тихо и строго предупредила Хловелесса:

– Я очень надеюсь, что репортеров сюда не пустят и о моем участии посторонние не узнают! Поверьте, это в ваших интересах. Иначе ваша служба по миру пойдет, выплачивая моей конторе гонорар за услуги зеркальщика.

– По рации пустили слух, что здесь произошла домашняя кража. Народу по минимуму, никого лишнего, чтобы не привлекать внимание. И… тело еще внутри, опять же, чтобы никто не увидел лишнего. До вас работало два криминалиста, и все.

Одаренный чувствует родственную энергетику. Поэтому у дверей обычного дома средней руки, похожего на сотни других поблизости, среди поджидавших нас троих законников я быстро определила себе подобного: невысокого, выглядевшего утомленным мужчину лет сорока в белой, слегка мятой рубашке и темных брюках – летней форме одежды законников. В его мудрых голубых

глазах пряталось много чего, и самое ценное – отражение душевного тепла. Я знала одного человека с похожим взглядом – психиатра, у которого проходила реабилитацию после выписки из больницы.

Зеркальщик первым протянул широкую ладонь, взглянув мне в глаза:

– Лайл Шмит. Очень приятно с вами познакомиться, Эвелина Андреевна, – и неожиданно мягко улыбнулся.

Отвечая на рукопожатие, я внутренне усмехнулась: если он хочет выяснить мою человеческую суть, ну что ж, не буду мешать.

Вслед за ним представились двое других служащих ВК из специальной группы – туманники разных специализаций.

Перед тем как пройти в дом, следователь-менталист предупредил:

– Мы понимаем, насколько там ужасно, и благодарны вам за помощь. Если сможете, просто не смотрите… подробности.

Мы с Лайлом горько хмыкнули.

– Это невозможно в принципе. Дар показывает все, до мельчайших нюансов, даже если глаза закрыть!

Законники промолчали, у них своя цель – найти убийцу. А жалеть меня…

– Вы уже выяснили, откуда… он пришел? Как в дом попал? – спросила я, не торопясь заходить.

– Через входную дверь, – уверенно ответил Арджан. – Все окна и запасной выход в задней части дома закрыты изнутри.

Я пожала плечами:

– Он мог и сам их закрыть, чтобы добавить вам работы или ввести в заблуждение.

– Я просмотрел остатки аур, – пояснил другой специалист, медиум. – Его след остался на входной двери. Предполагаю, жертва сама ему открыла.

Оценив информацию, я посмотрела на Лайла и посоветовалась:

– Думаю, начать надо с прихожей, раскручивая картинку дальше. Тогда сможем увидеть все произошедшее.

– Давайте, – быстро согласился коллега-туманник. – Криминалисты по моей просьбе установили камеры везде, чтобы записать данные для суда…

– Если нам повезет его поймать, – буркнули у меня за спиной.

– Встаньте у прохода в гостиную, – попросила я. – Нам повезло, что хозяйка дома женщина – вокруг много зеркал и отражающих поверхностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/olga-guseynova/lyubov-k-krasnomu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить